

Военная фантастика

Александр КОНТОРОВИЧ

ДИКОЕ ПОЛЕ

Я хочу жить дома
Башни над городом

Москва

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445
К65

Серия «Военная фантастика. Коллекция»
Выпуск 44

Иллюстрация на обложке *Бориса Аджиева*

*Выпуск произведения без разрешения издательства
считается противоправным и преследуется по закону*

Конторович, Александр Сергеевич
К65 Дикое поле: Я хочу жить дома. Башни над городом: сборник / Александр Конторович. — Москва: Издательство АСТ; Издательский дом «Ленинград», 2022. — 592 с. — (Военная фантастика. Коллекция).

ISBN 978-5-17-147346-4

Кусок некогда большой страны, ныне зажатый между остатками Украины и Новороссией, теперь это место, в котором нет никакой официальной власти. Здесь работают разведки всех стран, тут сходятся интересы вчерашних противников и подставляют друг друга бывшие друзья. Полное отсутствие порядка и власти, разгул бандитизма и прочие «радости». Свои же сослуживцы готовы всё и всех продать, а собственное начальство, ничем не гнушаясь, использует солдат и местное население в качестве подопытных кроликов при проведении бесчеловечных экспериментов.

Всё это — Дикое поле...

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

ISBN 978-5-17-147346-4

© Александр Конторович, 2022
© ООО «Издательство АСТ», 2022

Я хочу жить дома

— Согласитесь, что если мы не отрицаем существования Васко да Гамы, то просто по определению должны признать и существование Васко да Альфы, Беты и так далее...

— Допустим. И что из этого следует?

— Если есть новообразовавшееся Дикое поле, то, исходя из законов формальной логики, где-то должно быть и Домашнее поле или его аналог.

— Ну... И что?

— А раз так, то в Диком поле будут происходить процессы, зеркальные по отношению к своему антиподу.

— И что это доказывает?

— То, что ничего нового мы с вами не увидим. Все это уже было в человеческой истории. Мы просто многое успели подзабыть...

Из разговора двух интеллектуалов.

Автобус был невообразимо стар. Да, собственно говоря, и автобусом данное транспортное средство называлось с известной натяжкой. Шасси взято от какого-то не менее древнего грузовика, от которого осталась только кабина. Её обварили металлическими листами, присобачив поверх стекол прочные решетки. А над решетками прикреплены поворотные жалюзи. Одно движение рычага — и кабина превращалась в легкобронированное укрытие. Эта самодельная броня вполне способна была выдержать автоматную пулю, а при известной доле везения — даже и пулеметную очередь. Позади кабины на раме был закреплен салон от небольшого автобуса. Бог знает, где и каким заводом он был выпущен. Пневматика дверей давным-давно не работала, их предполагалось открывать теперь вручную. Никакой брони в салоне не полагалось. Водитель заботился исключительно о себе. Некогда удобные кожаные сиденья теперь были обтянуты обыкновенным армейским брезентом. Если учитывать происходящее вокруг, это тоже было своеобразным шиком. В некоторых местах за кусок

брезента такого размера вполне можно было неплохо пообедать, а то и поужинать.

Большинство стекол в салоне, как ни странно, были целыми, хотя и заметно, что не все они одинаковые. Надо полагать, хозяин автобуса проявлял заботу о своем транспортном средстве, заменяя выбитые стекла теми, которые удавалось достать. Существенным плюсом было то, что печка, питавшаяся от мощного двигателя грузовика, без проблем отапливала весь салон. И хотя за бортом всюю светило щедрое весеннее солнышко, температура, однако, еще не поднялась до такого значения, чтобы печку можно было бы не включать.

Словом, обычное транспортное средство Дикого поля. Других тут уже не осталось, да и не всякая машина смогла бы преодолеть то, что когда-то называлось здесь дорогами. Изрытые воронками, перекопанные многочисленными рвами и загроможденные остатками разбитых железобетонных блоков, эти дороги менее всего напоминали собой «участок пути, предназначенный для движения автотранспорта». Впрочем, съезжать с них никто и не пытался. Дороги, по крайней мере, хотя бы периодически чистили, выпуская на них тяжелые танки-тральщики. Танков этих тоже осталось не шибко много, и любой умный и хозяйственный атаман, заполучив подобную машину, старался поддерживать ее в работоспособном состоянии. Ибо целый танк — это относительно безопасный отрезок дороги. Это машины и автобусы, которые по ней ездят. Люди и грузы, которых они перевозят. А значит, постоянно капающие в казну доходы. Именно по этой причине всегда существовал соблазн перекрыть дорогу соседу, дабы транспорт пошел иными маршрутами. И всегда находились желающие, за определённую мзду, разумеется, подложить фугас на ранее безопасном участке шоссе.

Доходы тоже были разными. Где-то брали часть перевозимых товаров, где-то обходились боеприпасами, требуя с каждого проезжающего определенное количество

патронов в зависимости от того, ехал ли он пустой или вез с собой что-нибудь. Самые богатые атаманы требовали денег, и если у некоторых из них хватало ума обходиться разноцветными «фантиками», которые, несмотря на их иллюзорность, все же имели некую покупательную способность, то уж совсем зажавшиеся требовали гривны. Дальше этого аппетит, как правило, не шел, потому как за неразумно засвеченные где-то доллары, евро, рубли или юани можно было тотчас же схлопотать пулю или нож под ребро. И никого при этом не остановили бы никакие грядущие последствия, даже и самые тяжкие. Всякий понимал, что «фантики», независимо от их количества, позволяют прожить только здесь. А настоящая валюта — это шанс пройти через кордоны и оказаться там, где нет необходимости ложиться спать в обнимку с автоматом. Иначе никто не гарантирует тебе того, что утром ты проснешься там же, где и лег. Да и проснешься ли вообще...

Несмотря на все эти сложности и потенциальные опасности, ремесло водителя междугородного автобуса являлось в достаточной степени выгодным и где-то даже почетным. Расплачивались с водителем при посадке, большую часть этих средств он тут же отдавал своим сопровождающим, которые уносили их неведомо куда. Кабина водителя позволяла ему относительно спокойно заниматься своим прямым делом, не обращая никакого внимания на возможные разборки между пассажирами. Нападать на такие автобусы считалось дурным тоном даже среди самых отмороженных бандюганов. В каких бы отношениях ни находились главари этих формирований с местными атаманами, такого покушения на собственный кошелек никто бы не потерпел. Оставалась, правда, открытой проблема взаимоотношения пассажиров с проверяющими на блокпостах. Вот здесь возможны были какие угодно верты и коллизии.

Человек, принятый на самом высоком уровне в одном городе, мог быть объявлен врагом и негодяем в другом.

Причем причины этого могли быть самыми разнообразными — от реального преступления до элементарной личной неприязни кого-то из власть имущих. А ввиду того, что никакой нормальной связи, не говоря уже про всякий там интернет, на территории Дикого поля давным-давно уже не было, проследить за такими изменениями в политике местных царьков было практически невозможно. Поэтому, садясь в автобус, каждый пассажир получал предупреждение со стороны водителя, что никакие разборки между ним и окружающим миром не чешут шофера принципиально.

Вот на этих условиях и можно было стать пассажиром междугороднего автобуса. Оттого и не бронировались борта пассажирского салона, дабы ни у кого не возникло соблазна использовать его в качестве огневой точки. А то на заре развития междугороднего сообщения такие случаи имели место. Заканчивались они всегда плохо — для всех, оттого и был принят неофициальный, но всеми признаваемый «Кодекс перевозчика».

Сей немногостраничный документ в краткой форме пояснял всем и каждому, что, кроме обязательства перевезти тело пассажира в тот или иной пункт назначения, никаких прочих на себя водитель не берет. Равно как то, будет ли данное тело доставлено в пункт назначения живым или мертвым. Доставлено — и всё, дальше решай свои проблемы сам.

Народ молча эти правила принял. Собственно, альтернативой этому было путешествие пешком, на что не отваживались даже самые отчаянные сорвиголовы. Поэтому и пассажиров всегда было не слишком много, только те, кому и впрямь приспичило.

Дикое поле...

Так называли обширный участок земли, раскинувшийся на территории когда-то единого украинского государства.

С одной стороны он ограничивался «черной стеной» — укреплениями на границах Донецкой и Луганской обла-

стей. Базировались эти укрепрайоны на Луганск, Славянск и Мариуполь. В своё время, в эпоху Бардака, ополчение этих областей, достигнув некоей относительно прямой линии, закрепилось на этих рубежах. Спешно насыщались взрывчаткой минные поля и монтировались автоматические огневые комплексы, призванные максимально пустить кровь любому нападающему. В кратчайший срок изумленному миру явилась неплохо организованная и глубоко эшелонированная линия обороны, именуемая в просторечье «черной стеной». Робкие попытки её преодоления частями украинской армии были отбиты с прямо-таки катастрофическими для них последствиями — уцелели единицы. Население мятежных территорий недвусмысленно заявило о том, что готово сражаться хоть до последнего человека, но прорыва обороны не допустит абсолютно любой ценой — даже и ценой полной дезинтеграции всего и вся на просторах некогда своего общего государства. По звонкам в редакции тогда еще существовавших газет на указанные звонившими места выехали репортеры, с ужасом обнаружившие во многих ключевых точках инфраструктуры страны заложенные фугасы.

«Это мы вам не всё ещё показываем...» — туманно выразился в интервью один из представителей ополчения.

Естественно, на верхах разразился жесточайший кризис и всеобщее умопомешательство. Ничего лучше, как вразумить упрямцев дистанционно, никому в голову не пришло. Поднялись в воздух самолеты...

В ответ ополчение объявило о том, что готово выплатить за каждого пилота ВВС приличную сумму. И выплачивало, исправно выкладывая в интернет ролики о судебных процессах над купленными пилотами. Приговор всегда был один...

Попытка пересадить в кабины штурмовиков гражданских пилотов закономерно привела к тому, что и гражданской авиации де-факто не стало.

Желающих срубить бабла на чужом горе здесь хватало всегда, а уж в подобной-то ситуации...

Мнением «мировой общественности» ополчение интересовалось мало, можно сказать, что практически игнорировало его. Поэтому все вопли и стенания правозащитников, кстати, охотно допускаемых на судебные процессы над пилотами, ничем так и не закончились. «Эти люди переданы в руки правосудия их же соотечественниками — к ним все претензии и адресуйте!» — жестко отрезал однажды секретарь суда.

«Но вы им заплатили!» — возмутилось мировое «светило».

«Мы оплатили их транспортные и накладные расходы — не более того. Хотя где-то сказано, что мы платим за голову пилота? Нет — только за его доставку в суд. По официально возбужденному уголовному делу. Факты же коррупции в чужой стране нас не интересуют, мы ведем дело с конкретными физическими лицами, взявшими на себя нелегкую работу по оказанию помощи правосудию. Посмотрите на США — там такая практика в своё время существовала, и никого это особо не беспокоило».

«То есть — вы используете наемников?» — не сдавалось «светило».

«Вы можете предъявить хоть один контракт на задержание и доставку конкретного человека? Нет? Так о чем тогда разговор? Это — исключительно добровольцы, в том числе и из граждан соседних государств, работающие на свой страх и риск».

Когда пилоты закончились, последовал толстый намек на то, что следующими могут стать наводчики артиллерии...

Через несколько дней в воинских частях ВСУ обслуживать орудия стало некому.

И вот тут началось то, что впоследствии стали называть Бардаком...

На всей территории страны, где и без того с законопослушанием и порядком проблемы наблюдались уже давно, стихийно возникшими бандформированиями, носившими самые разнообразные названия и внешнюю атрибутику, в некоторых местах были произведены нападения на военные склады и финансовые учреждения. Цели декларировались самые простые и понятные, как мычание, — оружия и грошей! Страну залихорадило. Официальные лица поспешили выступить с обещанием строго покарать всех подряд и навести порядок жесткой рукой. Кое-где действительно удалось выбить откровенно бандитские группировки из захваченных городков и восстановить законную власть.

И вот тут...

На границе с Венгрией, где давно уже с тревогой прислушивались и приглядывались ко всему, что творилось на юго-востоке страны, до недавних пор было относительно тихо и мирно. Быстрыми, прямо-таки рекордными темпами там производилась реконструкция целого ряда населенных пунктов. Предлог был — подготовка к зиме. Работы производились за счет правительства Венгрии, бригады рабочих тоже прибыли оттуда. Спешно завозили стройматериалы, выделенные от своих щедрот правительством соседнего государства. Часть из них в виде гуманитарной помощи даже была перенаправлена в Киев, где самым загадочным образом испарилась, не оставив в природе ни малейшего следа. Бывает же... а ведь это были качественные и добротные материалы — лес, фортификационный цемент, арматура... Но ничего нет невозможного для человека, особенно если он располагает неким властным ресурсом. Лица, занимавшиеся распределением полученной помощи, таким ресурсом обладали.

Венгры пожалы плечами, что-то пробормотали — и всё осталось по-прежнему. Но стоило загрохотать перестрелке в небольших городках и селениях поблизости от их границ, как реакция последовала мгновенная — и очень неприятная для многих.

В один прекрасный день сразу в целом ряде компактно расположенных населенных пунктов, по странному совпадению заселенных этническими венграми, во все властные учреждения постучались хорошо вооруженные люди. Без долгих разговоров и убеждений они вытолкали взашей их обитателей, обрезали связь с центром и взяли под свой контроль все эти городки и поселки.

Моментально среагировавшие на подобный финт территориальные батальоны, которые уже давно чувствовали некую скрытую напряженность в этих местах, форсированным маршем выдвинулись в направлении данных населенных пунктов.

И вот тут выяснилось, что ремонт и подготовка к зиме с точки зрения венгров и аналогичные мероприятия, но с точки зрения украинцев — вещи разные.

Сложно теперь сказать, как отразились на утеплении домов производимые заграничными работниками действия, но вот с точки зрения инженерного оборудования огневых позиций в населенных пунктах — мастера поработали на славу!

Буквально за несколько часов на ключевых перекрестках появились импровизированные, но хорошо укрепленные блокпосты. А неразговорчивые парни, плохо говорящие по-украински, уже производили активное минирование прилегающей территории.

Первые же колонны территориальных батальонов, натолкнувшись на эти сооружения, моментально получили по сусалам. И теряя по пути технику, оставляя раненых и убитых, оттянулись назад.

Перегруппировались, подтянули артиллерию — и огребли снова.

А встревоженное правительство Венгрии тотчас же выступило с заявлением по поводу происходящих событий. Посетовав на происходящие боестолкновения, президент этой страны заявил, что в сложившейся ситуации он не видит иного выхода, как оказать посильную помощь своим

соотечественникам, которые проживают на территории очага напряженности. Через границу пошли караваны с продовольствием и теплыми вещами — зима же близко! Бензин, солярка и некоторые виды бытовой техники — все, разумеется, под гласным международным контролем. И в присутствии большого числа международных наблюдателей — у нас нет тайн ни от кого!

Ну, а появление там же нескольких десятков артиллерийских систем было списано на недавние нападения на арсеналы ВСУ... Разумеется, венгры тотчас открестились от подобных вещей — мы же цивилизованная страна! Член НАТО и ЕС! Да как вы вообще можете о нас такое подумывать!

Президент страны выделил и деньги, ведь абсолютно все надо покупать — рынок! Задаром никто и ничего не даёт, особенно в ЕС.

Ну а то, что часть этих денег была потрачена местным населением на вербовку расчетов артсистем... А при чём тут президент соседней страны? Базар надобно фильтровать, господа! Да и артиллеристы эти — обычные граждане ЕС, кстати говоря! Ну да, служили в армиях разных стран... кто-то даже и в Иностранном легионе потрудился... и что? Какие к ним претензии могут быть? Их наняли, они выполняют условия нанимателя. Кто нанял? Ну... это вообще не к нам. Есть там какая-то власть, какие-то комитеты самоуправления — к ним со своими вопросами и обращайтесь.

Евросоюз глухо заворчал, венграм показали зубы и тонко намекнули на грозящие неприятности. Те, мгновенно всё оценив, с сокрушённым видом развели руками, посетовав на то, что строящийся газопровод из России может и не дойти до границ ЕС. Ну, там внезапно обнаружили какие-то, чисто геологические, разумеется, проблемы... Но мы работаем над ситуацией! А тут ещё эти беспорядки в соседней стране... И трубу газопровода там, оказывается, подорвали... Как не в первый раз?! А мы-то и не знали!

И тут выступила Польша.

Чисто в национальном духе, нимало не беспокоясь о последствиях. Мол, у венгров вышло, а мы что, рыжие?

Здесь никаких экивоков не было совсем — границу в походных колоннах пересекли две полнокровные бригады. Рубеж их развертывания был определен между Львовом и прочей территорией страны.

«Всходни кресы», так сказать...

Сделаем, а потом сможем представить это как защиту от... там, словом, решим, от кого мы вас защищаем. И каким образом.

Но до места развертывания части не дошли, будучи атакованными ещё на марше. Кто и когда отдал этот приказ, неизвестно, но пендель brave жолнежи получили ещё тот! Бросая технику и снаряжение, остатки разбитых частей оттянулись к линии границы, рассчитывая на то, что эта линия остановит нападавших.

Щас...

Держите карман шире!

Снаряды стали рваться уже на польской территории. В ответ те подтянули к границе бронетанковые части и тяжелую артиллерию. В воздух поднялась армейская авиация...

Спешно примчавшиеся эмиссары НАТО рвали жилы, чтобы любой ценой остановить это кровопролитие — Польша как член этой «уважаемой» организации немедленно запросила военной помощи.

Указанная просьба была тотчас же поддержана Венгрией, ещё раз посетовавшей на то, как плохо приходится на Украине несчастным соотечественникам, которые, мало осведомлённые в этот момент о своей печальной судьбе, добивали очередных визитеров из Киева. Тербат выгнали в поле, накрыли мощным артиллерийским ударом и методично отстреливали ещё живых пока карателей.

Словом, Бардак начался...

Пока высокочудные евробюрократы прикидывали, под каким соусом аккуратнее развести в стороны всех, при этом

никому ничего не дав и не пообещав, разъярённая последними событиями толпа в Киеве пошла на штурм здания Верховной Рады. По странному стечению обстоятельств, охрана этого здания (щедро профинансированная неизвестными благодетелями) благоразумно заперлась в своих помещениях, ничуть не препятствуя разгневанным избирателям напрямую пообщаться со своими избранниками.

Итоги общения можно видеть до сих пор — закопченный купол здания стал одной из современных достопримечательностей города.

Традиционно сбежал неизвестно куда президент. Да так ловко, что про него так никто и никогда больше ничего не услышал.

Также традиционно испарились и остатки государственной казны. Совершенно бесследно и самым нестижимым образом.

Словом, когда наконец до многих участников событий стало доходить, в какую же задницу они все очередной раз попали, конфигурация страны приобрела новые очертания.

Обособившийся венгерский район тесно законтачил со своими соотечественниками и ничего не желал более и слышать о какой-то там Украине.

Поляки тоже ухитрились оттяпать себе изрядный кусочек земли, где спешно проводили ополячивание населения. Оное, злорадно хихикая, показывало кукиш прежним соотечественникам — мы-то, мол, уже в Европе! Адью, шановне панство!

Львов, правда, Польше не вернули, евробюрократия не могла столь явным образом поощрять подобные выходы некоторых членов ЕС. Скромнее надо быть, господа! Нечего поперед батьки забегать!

И только после этого, когда спешно закончили эвакуацию посольств и прочих представительств серьезных держав из охваченного междоусобными разборками Киева, вывезли все офисы коммерческих фирм и прочих уважа-

емых структур, наконец настало времени обратить свой взгляд и на юго-восток.

А там...

«Черная стена» мрачно глядела на весь мир зрачками орудийных стволов, и, прячась за многослойными минными полями, поднимали к небу острые жала зенитно-ракетные комплексы.

Попытка прощупать оборону закончилась полным уничтожением танкового полка. Не выжил никто, последнюю уцелевшую автомашину ударный беспилотник ополчения расстрелял за тридцать километров от места боя.

Мировое общественное мнение привычно возмутилось — это неприемлемо! Так вести боевые действия — это наглость и вызов!

«Да, — ответили ополченцы, — неприемлемо — дали слишком далеко сбежать, впредь подобного мы не допустим. И кстати, мы уже давно не ополчение, а Вооруженные силы Новоросии — ВСН. Рекомендуем это учесть на будущее. А также и то, что ничьим летательным средствам не рекомендуется впредь заходить в зону действия ПВО — собьем. Про артиллерию и вовсе промолчим, наши действия вы сами видели. Равно как и наши возможности».

НАТО демонстративно поиграла мускулами — на Украину высадился десант, который должен был взять под контроль уцелевшие ещё в этом хаосе ядерные объекты.

Сюрприз!

Около этих объектов бравых десантников встретили хмурые солдаты в тельняшках и голубых беретах, сопровождаемые командованием спецбатальона «Скорпион», который осуществлял охрану района Чернобыльской АЭС. Последовало предложение — контроль за данными объектами осуществляется сообща. Или в случае отказа — российскими ВДВ совместно с украинскими спецчастями.

Выбирайте.

Учитывая то, что Россия незадолго до этих событий в одностороннем порядке расторгла все существующие

договоры о взаимодействии в области безопасности и ограничения чего бы то ни было, предложение было воспринято со всей серьезностью. Никому не хотелось дергать медведя за уши. Да и работа на ещё советском оборудовании... тот ещё геморрой для цивилизованных европейцев. К тому же и топливо для всех украинских АЭС — тоже российское, другого негде взять вообще. Все эксперименты «Вестингауза» так ничем и окончились, и желающих проводить их и далее больше не нашлось. Будешь слишком упертым, россияне могут сборки и не поставить, а повод всегда можно найти. И чем тогда прикажете заправлять реакторы Ровенской и Хмельницкой станций?

Так что договариваться пришлось. При этом российская сторона проявила максимальную неуступчивость и абсолютную незаинтересованность в достижении положительного результата.

— Да мы и без вас прекрасно обойдемся! — буркнул в сердцах медведеобразный подполковник десантников. — Со «Скорпионом» мы уже договорились, их посты мы не трогаем. Становимся за внешним периметром и не пускаем сюда всякую сволочь. Вы нам для этого — как в телеге пятое колесо.

Пришлось вытерпеть и такое унижение. Было слишком очевидно, что русские склонны настоять на своем абсолютно любой ценой и пойдут на все, лишь бы не допустить военнослужащих блока к помещению станции. А если учесть еще и то, что в непосредственной близости от станции находился крупнейший узел, распределяющий электроэнергию в масштабах всей страны, — интерес русских к этому важнейшему стратегическому объекту был абсолютно оправдан.

— Нашим вертолетам сюда сорок минут лета! — прозрачно намекнул командир натовских десантников.

— А нашим ракетам и лететь никуда не надо, они и так тут! — меланхолично возразил ему русский.

— Хорошо... — сжав губы, кивнул натовец. — А как будет осуществляться допуск на станцию представителей законных властей?

— Каких именно? — фыркнул русский десантник. — Два последних президента в бегах, правительство разбежалось неведомо куда, все депутаты и прочее охвостье попрятались так, что и днем с огнем никого не сыскать. Вот как будет в этой стране нормально избранный президент и легитимное правительство, так мы и сами отсюда уйдем. Можно подумать, своих дел никаких нет!

Русский совершенно откровенно издевался. Было абсолютно ясно, что даже сиди сейчас в Киеве сбежавший президент и все правительство, это абсолютно ничего не изменило бы.

Вот так и возникли вокруг станции четыре рубежа охраны. На двух прежних стояли бойцы спецбатальона «Скорпион», формально остававшиеся украинскими. Между первым и вторым поясом развернули свои посты русские десантники. Их бронетехника встала на внешнем обводе рядом с украинскими солдатами. Похоже, что взаимопонимание между ними было достигнуто полное. Во всяком случае, прилетавшие регулярно тяжелые транспортные вертолеты завозили продовольствие еще и для этого воинского контингента. И похоже, что украинских солдат мало волновало полное отсутствие каких-либо приказов и распоряжений из Киева или ещё откуда-нибудь.

А натовские части развернулись на внешнем обводе в трехкилометровой зоне от украинских постов. Какого-либо общения между ними, если не считать еженедельных плановых брифингов, не было. И если русские и украинские солдаты периодически устраивали какие-то совместные спортивно-культурные мероприятия, то солдаты блока были предоставлены сами себе. Даже местное население не проявило никакой заинтересованности к общению.

Практически аналогичные ситуации (разве что с небольшими поправками на местные условия) произошли

на Запорожской и Южно-Украинской АЭС. На последней — так и переговоров никаких не было, прибывшим войскам сразу указали их место дислокации и посоветовали особо не борзеть. К чести полковника Шимановского, командовавшего этим контингентом войск альянса, он единственный, кто смог наладить хоть какое-то взаимодействие с русскими, которые окопались на внешнем рубеже охраны АЭС. Они даже проводили какие-то совместные мероприятия! Ловили и разоружали различные бандочки и группы дезертиров, патрулировали дороги...

Вот что делать с пойманными негодьями... это был уже отдельный вопрос. И если русские на этот счет вообще не заморачивались, попросту расстреливая на месте всех, кто оказал вооруженное сопротивление при задержании, а прочих высылая на перевоспитание куда-то совсем далеко, то каждый пленённый подразделениями НАТО бандит доставлял им *такую* головную боль! Как-то так стало выходить, что все пленные стали попадать в руки русских десантников... случайно, разумеется, при стрельбе не в ту сторону побежали отчего-то...

Вот так и получилась на Украине странная ситуация: жестко прозападная часть страны, управляемая вновь созданным временным правительством во Львове, самостоятельное образование Новороссия, а между ними — раздираемое всевозможными противоречиями Дикое поле. Никакой центральной власти там не существовало, да и не потерпели бы местные атаманы и хозяева городов какого угодно посягательства на свои «свободы». И в западной-то части Украины власть держалась только благодаря тому, что в крупных городах стояли контингенты войск НАТО. Что примечательно, все эти контингенты были строго моноэтническими. Венгры не вылезали за пределы своих территорий, поляки, откусив столь вожделенный кусок земли, вообще утратили какой-либо интерес к остаткам некогда огромной страны. Раз нет возможности оттяпать что-либо

еще, так и идет оно все остальное лесом. Прочие части блока были представлены подразделениями вооруженных сил Германии, Франции и отдельными небольшими группами, составленными из военнослужащих армий прибалтийских государств. Американцы ограничились присылкой некоторого количества военных советников, а Великобритания вообще направила только нескольких офицеров связи.

Повсплывавшие во Львове прежние политические спекулянты и депутаты бывшей Верховной Рады, осмотревшись, попытались было затянуть привычную песню о всевозможных «вольностях» и прочем. Но были жестко осажены представителями войск НАТО. Обыкновенный майор Робертсон, прибывший в здание нового «парламента», безо всяких экивоков пояснил: «Время болтовни закончилось! Отныне, господа, вы либо будете делать то, что вам укажут, либо вообще навсегда исчезнете с политического небосклона!»

— То есть? — опешил новоизбранный спикер.

— То и есть. Ваши прежние речевки и скакалки вы теперь можете горланить только у себя дома. И так, чтобы соседям не мешать. Ваши эксперименты с демократией слишком дорого обошлись цивилизованному миру. Будете исправлять. Не сможете это сделать вы — назначим других.

Самым обидным здесь было то, что майор, махнув рукой на все приличия, говорил по-русски! Мог бы и постесняться... здесь всё же не Государственная Дума! Но, по-видимому, командование воинского контингента менее всего интересовали вопросы приличия и соблюдения дипломатического этикета.

Вот чему забугорные гости уделяли внимание — так это армии. Без лишних сложностей и проволочек моментально были расформированы всевозможные воинские — или считавшиеся таковыми — формирования и образования. Жесткой рукой пресекли вольницу и во всяких там волонтерских организациях: отныне ни одна гривна не могла уплыть налево, да и вообще в любую сторону.

Если «гости» отчего-то полагали, что подобные меры прибавят им популярности, то их ждал глубокий и обидный облом. Нет, сначала всё вроде бы прошло гладко. Не без стрельбы, понятное дело, да сколько там её было, той стрельбы? Ну, прикопали наскоро пару-тройку сотен особо возомнивших о себе «лыцарей», о которых, кстати, никто особенно и не горевал. Посадили (хотя и с немалым трудом, чему были откровенно удивлены) несколько большее количество воругов и расхитителей. У них отчего-то вдруг нашлись неслабые покровители — причем в среде самой оккупационной администрации!

На какое-то время всё притихло.

На какое-то...

Потом в один далеко не прекрасный день практически одновременно вспыхнули стихийные беспорядки во многих местах сразу. Такое впечатление, что за всем этим стояла чья-то организующая воля. Были взяты штурмом склады со всевозможными ценностями, отделения банков и многое другое.

Разумеется, это не осталось без внимания — тотчас же были подняты по тревоге части внутренних войск, армия...

И уходящие в Дикое поле караваны с награбленным добром получили ещё и неслабую вооруженную защиту. Вот так...

Наспех поднятые беспилотники, не добившись особых успехов, понесли ощутимые потери — не напрасно трудились натовские инструкторы, обучая своих подопечных.

Вольница показала свои зубы.

А в Диком поле разом поприбавилось хорошо вооруженных и опытных бойцов — свои арсеналы, уходя, они выдоили досуха.

Попытка отправить за ними погоню из числа оставшихся частей увеличила ряды вольницы ещё на несколько тысяч человек. А собственных сил у западных командиров здесь было недостаточно.

Горячие головы подняли уже свою авиацию, дабы она вломила отступающим бандам современным оружием.

Частично успехов удалось достичь — несколько колонн понесли потери. А вот из поднятых штурмовиков вернулись далеко не все — показала свои зубы и «черная стена». Этим и вовсе всё было фиолетово — любой летящий в их сторону самолет они закономерно считали вражеским. Гражданская же авиация обходила этот район дальней дорогой уже почти год. Так что шансов на ошибку зенитчики ВСН имели немного.

Взрыв возмущения на Западе, против ожидания, особых результатов не имел. ВСН кивали на вольницу, те — на ВСН. И те, и другие имели на вооружении зенитно-ракетные комплексы, причем иногда однотипные. Правда, положила руку на сердце, надо было признать, что защитники «черной стены» были оснащены лучше, чем сбежавшие бандиты.

Представитель Новороссии на встрече в Минске (уже ставшей традиционной), пожав плечами, предложил провести международное расследование, обещая полное действие. Вот только со стороны вольницы никто таких гарантий дать не мог. Даже если бы очень сильно захотел...

Пат.

Признать оглушительный провал своей политики?

Да вы умом, что ли, подвинулись вообще?

Разумеется, джентльмены непогрешимы — просто по умолчанию, и их указания всегда безошибочны. А вот нерадивая местная администрация...

И покатались головы во Львове и прочих местах. Не в прямом, разумеется, смысле: тут всё же демократия, если кто позабыл! Но, право слово, отлучение от кормящей титьки многими воспринималось как бы и не тяжелее... Голова... да толку-то с неё? Тем паче — с чужой? Не жалко: одного прибьют — так и замена ему уже загодя приготовлена. Никто ж не вечен! А вот потерять бабки! Много кто кормился от этих «уважаемых людей», много...

Новая же политика западной администрации поменялась очень и очень сильно — в худшую для всех сторону.

К вящему изумлению многих тут оказалась совсем не Европа — и даже не что-то, на неё хоть отдаленно похожее. Ибо жить, как там, хотели почти все, а вот вести себя, как там положено, никто и не собирался. Общим лейтмотивом было: «мы выстрадали себе хорошую жизнь!»

Просвещённые европейцы только плечами пожимали, никак не улавливая взаимосвязи перенесённых страданий с уровнем жизни. С их точки зрения, таковой уровень достигался несколько иными вещами. Трудом, например...

«Дикари!» — таково было мнение подавляющего большинства львовчан.

И новые потоки «беженцев» потянулись в Дикое поле.

Налицо было явное несоответствие заявленных Европой целей с достигнутыми результатами. Что-то надо было срочно делать...

Проблема Новороссии временно была отодвинута на задний план. Перед глазами маячила гротескная картинка Дикого поля — и с этим явлением нужно было срочно покончить, уж слишком оно портило картину «всеобщего процветания» на Украине. А явление продолжало расширять свои территории. Желающих класть головы у «черной стены» больше не находилось, а кипящая в этом котле вооруженная масса требовала выхода. И затрещали границы Львовщины — начали отползать назад с пугающей скоростью. Пал Николаев, захвачена бандами Одесса...

Воевать с этими дикарями?

Какими, позвольте вас спросить, силами? Оставшимися соединениями, которые *пока* формально признают главенство львовского правительства?

Пробовали уже — больше не хотим! Посылать противнику вооруженное подкрепление? Щас...

Войсками НАТО?

А они за этим сюда пришли?! Класть *свои* головы за каких-то там украинцев? Которые и сами толком не знают, чего хотят?

Увольте... это не для джентльменов. Но неджентльменов, желающих взять на себя эту почетную миссию — умереть за высокие идеалы демократии, — поблизости не нашлось.

Ситуация опасно накалялась, и что-то надо было делать срочно!

Первый вопрос — кто виноват?

Ну, тут двух мнений просто не могло быть — Россия конечно же! Кто ж ещё-то?

Отлично!

Второй вопрос — кто должен за всё это ответить?

Ну... право слово, в приличном обществе такие вопросы задавать как-то не принято — смотри пункт первый!

Ладно, решили — действуем!

Запад, снисходительно поглядывая в сторону русских, предложил созвать саммит заинтересованных стран для обсуждения возникшей проблемы.

«Созывайте! — откликнулся министр иностранных дел России. — А мы-то здесь причём?»

«То есть? — опешили евробюрократы. — Как это? А ваше участие?»

«Да так... Вы заинтересованы — вы и созывайте. А нас это не касается».

Кое-кому в высоких кабинетах Брюсселя и Вашингтона показалось, что у них проблемы со слухом. Нет, в принципе, в целом слова были понятны... но смысл этих слов?

«Но ведь это общеевропейская проблема!»

«Да, — согласились в российском МИД. — Общеевропейская. Но мы-то — Азия! Какое нам дело до европейских проблем?»

«Кто вам это сказал?!» — опешили в Брюсселе.

В ответ из российского МИД не поленились прислать своим европейским коллегам копии множества газетных статей и записи интервью с аналогичными утверждениями.

Причём — высказанными весьма высокопоставленными лицами!

«Либо вы дезавуируете данные высказывания, либо — одно из двух!»

Назвать пустобрехами уважаемых людей? Устроить грандиозный скандал вселенских масштабов?

И всё это — ради каких-то негодяев на клочке земли? Чиновники министерств иностранных дел европейских стран высокомерно промолчали.

Оставался последний козырь — с него и зашли.

«Эти неуправляемые банды могут напасть и на ваших подопечных — Новороссию! А потом — и на вас!»

«С чего это вдруг? — изумился министр иностранных дел РФ. — И когда жители Новороссии стали нашими подопечными? Мы небезучастны к их судьбам, это так. Оказываем гуманитарную помощь, помогаем восстанавливать разрушенное военными действиями городское хозяйство и инфраструктуру, но во всем остальном это совершенно самостоятельное образование. Имеющее своё руководство и проводящее свою независимую политику. Мы точно так же помогаем и странам Африки, так они же не стали из-за этого нашими подопечными? Да и вы сами занимаетесь аналогичными действиями — и в тех же самых регионах, кстати говоря...»

«Так это же бандиты! Абсолютно неуправляемые! А борьба с бандитизмом есть прямая обязанность каждого государства!» — горячились в Брюсселе.

«Ну... пока ещё они до наших границ дойдут...»

«Дойдут! У них есть современное вооружение!»

«А откуда они его получили? Каковы источники поставок?» — ехидно поинтересовался русский дипломат.

«Э-э-э...» — запнулись его западные коллеги.

«Впрочем, мы весьма благодарны вам за предупреждение!» — подытожил министр.

И в Новороссию были официально поставлены современные защитные системы — с российскими же расчетами.

При этом российский президент выступил с пространной речью, в которой горячо поблагодарил ЕС за своевременное предупреждение о возникшей опасности.

«Мы же не можем бросить в беде мирных жителей, пусть и не являющихся нашими согражданами! Да, их государство не признано мировым сообществом. Значит ли это, что мы должны оставить жителей этих городов и сел беззащитными перед лицом вооруженных банд? Это — чисто оборонительные системы, для защиты от нападения незаконных бандформирований. Да и к тому же — мы ведь не передаём их в пользование Новороссии! Все оружие остается под нашим контролем!»

Уж лучше бы просто так передали...

В ЕС глухо промолчали: времени на то, чтобы разруливать ещё и эту проблему, уже не оставалось совершенно. Армия Дикого поля становилась нешуточной угрозой. Подпитываемая всевозможным отребьем со всех стран мира, она росла невиданными темпами.

США привычно пригрозили России санкциями — в ответ им так же привычно пожали плечами. Сколько уже можно-то?

И так уже никаких контактов, кроме официальных, между странами не существовало. Культурные — были сведены почти к нулю (что тотчас же ощутило долбануло по киноиндустрии Америки).

Торговые?

А чего продавать-то? После одномоментной блокировки всей продукции «Эппл» на территории РФ никакой заокеанский гаджет невозможно было продать в России даже за рубль: желающих купить не находилось.

Авторынок был мгновенно заполнен перекупщиками из Китая и приграничных стран, они ухитрились как-то продавать американскую технику даже дешевле, чем это делали официальные автодилеры крупных фирм.

Понятно, что большинство этих поставок были «серыми», но Россия, вышедшая из ВТО ещё полгода назад,

сквозь пальцы смотрела на такие вещи. А никакие истерические крики о нарушенных авторских прав не находили своего слушателя. Самых упорных посылали в суд — в европейский, на решения которого в РФ традиционно «забили» все — даже официальные инстанции. В последнее время даже ответы перестали приходить.

Военные?

Это как — воевать прикажете?

У психиатра давно наблюдаетесь?

Громадная страна медленно разворачивалась лицом на восток. И представшая перед потрясёнными европейцами картина их совершенно не радовала.

«Вы считаете нас азиатами? Поздравьте — мы ими стали!» — крылатая фраза одного из русских министров была на слуху у многих.

Никакого восторга этот факт у европейцев отчего-то не вызывал...

Со временем даже до самых упертых джентльменов стало доходить, что таскать каштаны из огня для них никто не собирается. «Грозные» союзники — в лице Грузии и прибалтийских государств — в военном отношении значили настолько мало, что лидерам Дикого поля пришлось бы напрягать голову только по одному поводу — как лучше поделить будущие трофеи.

Польша?

Эта уже получила своё и никакого дальнейшего интереса к Украине не испытывала совсем. Да и после разгрома украинской армией своих лучших частей паны совершенно не горели желанием воевать. Сама идея о предстоящих боестолкновениях с бандами Дикого поля никакого энтузиазма у поляков не вызывала.

Венгры?

Чехия?

Вы б ещё про Грецию вспомнили!

Сильнейший козырь — авиация — после бесславной гибели нескольких самолетов из игры был выбит надолго.

Оставались, разумеется, ракеты — им противопоставить было нечего.

Ну, раз так...

Первая ракета разнесла в пыль автопарк одной из группировок в Харькове — несомненный успех!

А вот вторая до цели не дошла — её сбили ещё на подлете.

Русские. Их комплексы ПВО-ПРО в Новороссии.

Причём никакого особенного секрета из этого они не делали — просто сбили и не стали отрицать данного факта.

«Мало ли что и куда тут летит... — туманно выразился официальный представитель ВСН в Минске. — А если к нам? Мы не можем рисковать!»

А русские и вовсе ответили коротко: мол, сбили эту — собьем и остальные, сил достаточно.

«Вам охота воевать с бандами? — поинтересовался представитель российского МО на очередной пресс-конференции с корреспондентами западных информационных агентств. — Так воюйте! Обычными средствами, исключаящими гибель мирного населения — в Диком поле оно тоже есть! Ваши солдаты уже это делают вместе с нашими — плечом к плечу!»

«Где ж это?!» — изумились журналисты.

Русский генерал хмыкнул... и предоставил сведения о совместных действиях российских десантников и натовских солдат в районе Южно-Украинской АЭС. Цифры впечатляли... особенно список изъятого. Там были и самые современные образцы стрелкового оружия, ещё и не во всех армиях стоящего на вооружении.

Мягко говоря, генерал повел себя бестактно — публично упомянул о не самой славной странице из истории спецподразделений блока. Их, между прочим, вовсе не для погони за бандами готовили! И не совсем удачная (а точнее — полностью провальная) операция по взятию под контроль этих АЭС как-то не слишком афишировалась на публике. Обыватель должен получать из прессы и сети

исключительно обнадеживающие сведения — наша армия крепка, все задачи, ей порученные, выполнены с блеском!

А тут такой конфуз... в прямом, между прочим, эфире! На весь мир!

Вот для чего только и годны ваши спецназовцы — разбойников гонять!

Сгоряча поперли с должности, а заодно — и из армии, полковника Шимановского, обвинив его в превышении полномочий.

Расстроенные почитатели последнего тотчас же устроили ему пресс-конференцию, на которой (теперь уже отставной) полковник пространно ответил на многочисленные вопросы журналистов. Более всего постарались корреспонденты «Синьхуа» и их собратья из Латинской Америки.

Уж лучше бы он оглох и онемел!

Шимановский много чего рассказал... даже слишком много!

И получив приглашение от Бразильской академии вооруженных сил, отбыл за океан — читать лекции.

А его бывшее начальство вынуждено было изворачиваться ужом, пытаясь как-то изыскать ответы на множество самых неудобных вопросов.

И подобных взаимных укусов было великое множество! После того как США совместно с союзниками обвалили российскую экономику так, что пояса пришлось затягивать по всей стране, ответных «любезностей» долго ожидать не пришлось.

Уж и не говоря о том, что экономика ЕС тоже получила удар такой силы, что график экономического развития стал напоминать творение художника-абстракциониста.

Во-первых, низкие цены на нефть однозначно похоронили весь сланцевый проект и разработку нефтеносных песков в мировом масштабе — вернее, нежели их прихлопнуло

бы бетонной плитой. Моментально породив громадную волну массовых банкротств, сокращений и увольнений.

Сколько внезапно разорившихся бизнесменов ушли из жизни самыми разными способами — так никто и не считал, не до того было.

Во-вторых, резко активизировались всевозможные зеленые: Россия отказалась принимать на захоронение ядерные отходы со всего мира. Что, учитывая плачевное состояние подобной отрасли на Западе, обещало прямо сейчас нешуточные проблемы. И соответствующие расходы...

В-третьих, выйдя из всех обязывающих её к чему-либо договоров Россия мгновенно перекрыла все виды транзита через свою территорию военных грузов. Невоенных, но имеющих отношение к армии — тоже. И группировка войск США в Афганистане встала перед перспективой полуголодного существования: с Пакистаном к тому времени они рассорились напрочь. Везти же продовольствие самолетами, разумеется, можно... но как вывезти домой многотысячную группировку? А технику и снаряжение куда девать? При перевозке авиацией выходило слишком уж накладно! Каждый грузовик можно было обклеить долларовыми купюрами. А танк — так и не в один слой!

Как-то так совпало, что многочисленные повстанческие группировки, доселе воевавшие с натовскими войсками одними автоматами Калашникова, устаревшими пушками и самодельными ракетами, «вдруг» получили в свое распоряжение гранатометы «Хашим» и современные ПЗРК. И если в случае с гранатометами всё было понятно: террористы как-то ухитрились угнать судно, которое их перевозило, то откуда появились ПЗРК — так никто и не выяснил.

Правда, ушлые аналитики подсчитали, что угнанное судно тогда немногим уступало бы по размерам супертанкеру...

Тщательный анализ захваченных ПЗРК тоже ничего не дал. Микроэлектроника — Китай, так они эти компоненты по всему миру продают...

Головки самонаведения — похожи на русские, но и на китайские тоже. И на северокорейские...

ВВ оказалось северокорейским.

Маркировок — никаких, ни букв, ни цифр. Все обучающие рисунки выполнены в безликой манере. Правда, на одном просматривался человек вроде бы в тюрбане... но специалисты пояснили — похожая деталь в русской военной форме тоже есть. Называется — башлык!

Были и другие, широкой публике непонятные, тонкости. Но даже самые ушлые специалисты только руками разводили — конкретного ответа так никто и не дал.

Все, в принципе, понимали, что перед ними лежит очередной «сюрприз от Михайло Потапыча». Понять-то понимали, а вот доказать — фиг! Догадки же в Совет Безопасности ООН не понесешь...

И стали опасными авиaperевозки.

После же того, как, царапая бетон крылом, закувыркался по взлетно-посадочной полосе Баграма охваченный пламенем С-130 с отлетающими — теперь уже не домой — морпехами, эвакуацию воздушным путем пришлось и все прекратить.

А тут ещё Ирак...

Да и в Сирии отчаянно пицат безжалостно домолачиваемые радикалы, взывая к заокеанским покровителям...

Про Курдистан лучше и вовсе не вспоминать — там и в лучшие-то времена тишины никто не обещал.

Да и дома... тоже, в общем, не сахар...

Какая тут, в болото, Украина?! Не до вас!

Ощетинившись оружием, щупая темное небо лучами радиолокаторов, приготовились к смертельному прыжку армии многих государств. И только осознание того, что кое-кто, оторвавшись от земли, может уже больше и не ступить на неё ногами совсем, удерживало всех от принятия рокового решения.

Дипломаты сидели в своих кабинетах, пытаясь изысканными формулировками взаимных посланий хоть как-то сгладить остроту момента. Выходило это плохо...

На одном из совещаний в Совбезе ООН русский полпред провел по столу черту мелом.

«Всё, господа! Вы своими бездумными экспериментами с демократией поставили мир на грань всеобщей ядерной войны, выпустив наружу призрак похороненного шестьдесят лет назад фашизма. Мир стоит у опасной черты! Кто из вас рискнет сделать первый шаг?!»

В зале заседаний повисла гнетущая тишина...

И на фоне всего этого наматывал на колеса километры пыльной дороги самодельный автобус...

Скрежетнув, ожил динамик в железной коробке, приспособленной на стене пассажирского салона.

— Блок скоро... Готовьтесь там...

Это водителю плюс — разбудил заранее! Открываю глаза и, не сдвигая назад козырька кепи, незаметно осматриваюсь. Попутчики мои тоже зашевелились, кое-кто полез в мешки, некоторые достали заранее припасенные документы.

Да, документы тут тоже есть! Самые разнообразные.

Начиная от старых, ещё украинских, паспортов и заканчивая самыми замысловатыми бумагами, выданными неизвестно кем. На некоторых не имелось даже фотографий, и владельцы таких «документов» обычно не рисковали отправляться в дальние путешествия. Это вблизи от дома всегда можно найти тех, кто удостоверит личность пассажира, а как быть там, где тебя никто и в глаза никогда не видывал?

Салон качнуло, еле слышно скрипнули тормоза — а водитель-то поддерживает свою машину в порядке!

Распахнулась входная дверь, и в салон ворвался свежий воздух с улицы.

— Так, громадяне! Виходьте, будь ласка, на вулицу!

Пока все остальные пассажиры, толкаясь и мешая друг другу своей поклажей, выбирают наружу, я, прильнув к окну, осматриваю блокпост.

Это весьма старое сооружение, бетонные блоки частично оплыли, углы выкрошились. Железная крыша, когда-то выкрашенная в зеленый цвет, сейчас пестрит разноцветными заплатами самой разной формы. Амбразуры поблескивают кое-где стеклами — внутри зимою холодно! А вот и труба буржуйки торчит, изогнутая под прямым углом.

Не шибко богатый атаман держит этот блок — нет у него достаточно средств для придания хотя бы и внешнего вида оборонительному сооружению. Даже покрасить — и то руки не доходят.

У автобуса сейчас стоят трое молодых парней.

Один — с карабином СКС, одет в темный комбинезон — новобранец. Формы и другого оружия ему ещё не положено.

Двое других уже вполне себе «военные» — на них за-тасканный камуфляж старой украинской армии. И вооружение получше — АКМ.

А вот четвертый...

Он не подходит к автобусу — сидит на выданном из автомашины кресле, к которому приспособили металлические подпорки.

Конфедератка с тризубом — участник «Славного дела», разгрома польских бригад. Стилизованный под немецкую форму китель и такие же брюки — форма вновь воссозданной и вновь же уничтоженной ополчением Луганска «дивизии Галичина». Серьезный дядька — такие вещи надеть просто так... тут стальные яйца иметь надобно. Самозванцев здесь не жаловали и на осине вздернуть могли за милую душу. Вооружен мужик автоматом МП-40. Ну, скорее всего, не копаным, а из числа тех, что продавались в свое время в оружейных магазинах — как охотничьи карабины.

Оружие статусное, подчеркивающее ранг владельца. Понятное дело, что воевать им всерьез хозяин и не собирается — для этого есть подчиненные.

Однако странно!

Такой человек — и на захудалом блоке?

Чудны дела твои, Господи...

Но всё — выходят уже из салона последние пассажиры, пора и мне.

Когда из открытой двери автобуса показался последний из пассажиров, у стоявших рядом парней руки непроизвольно напряглись — от человека потянуло... словом, недобро он выглядел.

Нет, внешне — обычный человек. Поношенный американский «мультик», небольшой рюкзак цвета хаки. Камуфляжное же кепи, из-под которого виднелись чуть седоватые волосы.

И — холодные, равнодушные ко всему, глаза...

Разумеется, он был вооружен. Безоружным тут можно только от дома к сортиру пробежать, да и то не всегда это правильно будет.

Потертый, выдавший виды «калаш» — пятерка.

Нож в темных матерчатых ножнах на правом бедре. Хороший такой нож, правильный!

На поясе слева — пистолетная кобура, из которой выглядывает рукоятка пистолета непривычной, трапециевидной формы.

Ну... с оружием тут ходят все — и наличие автомата вызвало интерес разве что у новобранца. Да и то только потому, что взятый с бою трофей — собственность взявшего. Это правило соблюдалось в Диком поле неукоснительно — невзирая ни на какие ранги и заслуги.

Парень, уже мысленно примеривший на себя вооружение и одежду незнакомца, поднял глаза выше — и словно поперхнулся. Взгляд последнего пассажира равнодушно

скользнул по нему, как по незначительной детали окружающего пейзажа. Но от этого вдруг стало холодно на сердце, а живот словно скрутило судорогой. Новобранец как-то сразу понял, что ни он сам и никто из его товарищей, в случае чего, не станут помехой для этого человека. Разве что пан Влад...

А тот, внимательно оглядев нового человека, чуть приподстав с места, указал рукой.

— Сидай, друже...

На явное нарушение — пассажир не оставил автомат в салоне, он демонстративно внимания не обратил. С пистолетами тут ходить разрешалось всем, а вот оружие посерьёзнее полагалось оставлять в автобусе и на проверку выходить без него.

Но — старший сам знает, что делает. Поэтому бойцы молча посторонились, пропуская незнакомца.

Тот не стал ломаться, прошел, куда указали, и, сняв автомат с плеча, прислонил его к бетонному блоку. Так, однако, что оружие осталось в пределах досягаемости. После чего опустился на табурет, стоящий рядом.

«А мужик сообразительный! Права качать не стал и встретил вежливо. Наметанный у него глаз, ничего не скажешь. Что ж, подыграем, ему лишний раз свой авторитет при бойцах подтвердить надобно. И мне не вредно — пусть они видят, что их босс на равных с незнакомцем говорит. А значит — признал за своего!»

Присаживаюсь, держа оружие под рукой. Глаза старшего на секунду сузились — оценил!

И правильно, здесь лопухов не уважают, какими бы страшными внешне они не казались.

— Доброго здоровья, пан...

И это я тоже не просто так сказал. Не общепринятое: «Слава героям!» — а именно так.

Для несведущего человека здесь разницы особой нет, но этот мужик на такого не похож.

Если кому непонятно...

Традиционное бандеровское приветствие здесь тоже в ходу — наравне с прочими. Скажи так — и тебя примут за своего. Бывшего солдата, бывшего боевика... словом, за бывшего. Да, свой, не чужак — и только. Но не настолько свой, чтобы принять с распростертыми объятиями. Пере-ночевать пустят, деньги есть — накормят. И ничего, кроме этого.

Произнесённое же мной приветствие — это тоже не пустые слова.

Кто может пожелать «доброго здоровья»?

В обычной жизни — там, за границей Дикого поля, кто угодно. Элементарная вежливость и ничего, кроме этого.

Но здесь...

Здесь твоё здоровье ценно только тому, кто в этом заинтересован. Чтобы предоставить тебя целым (пусть и не совсем невредимым) всякому, кто сможет за это заплатить.

Я желаю тебе «доброго здоровья» потому, что ты мне нужен.

Пока, во всяком случае.

Пока не прозвучат иные слова и не ляжет на стол плата за чью-то жизнь.

Можно долго жить и наслаждаться этим. И не ведать, что кто-то уже прикинул, а на сколько потянет эта голова? Можно ли её продать и кто даст больше?

Ничего личного — только бизнес.

Официально — нас не существует.

Нет и этого бизнеса.

Никто и никогда не признается в том, что имел дело с «теньями» — их нет. Они не носят никакой особенной формы, не имеют знаков различия и чётко выраженной иерархии. Всю жизнь проживешь рядом с таким вот человеком — и никогда не узнаешь его истинной сущности.

Никому не известно, состоят ли в наших рядах пожизненно или временно сотрудничают, ища в том собственной выгоды.

К нам нельзя прийти, постучать в дверь и предложить свои услуги — некуда приходить. Нет такой двери, в которую нужно постучать.

Неизвестен и адрес, где таковая дверь может находиться. Жизнь пройдёт, а ты так и не узнаешь, встречался ли на твоём пути кто-то из нас.

«Тени» — их никто не видел...

Не всё так радужно — убитая «тень» так и останется лежать на улице. Не дадут денег на похороны, не оплатят услуг гробовщика. Ни один врач по собственному желанию не окажет помощь — только за деньги. Не станут кормить по дружбе или от широты души — нашим «клиентом» может стать любой человек.

Вчера ты меня спас? Накормил и обогрел?

Спасибо! Ты хороший человек!

Но сегодня я заберу тебя или твою жизнь — ничего личного! Уплачено...

Мы не любим никого — и никто не любит нас.

Наши миры не пересекаются. Почти не пересекаются.

Но иногда — что-то происходит с мирозданием, ломаются привычные линии, искажается мир — и напротив тебя сидит обычный человек. Может быть, совершенный чужак, впервые заглянувший в твой дом. А может, твой сосед, друг или родственник.

«Доброго здоровья...»

К чести мужика надо сказать, что он и глазом не моргнул. Что уж там у него внутри творилось — бог весть! Но внешне он остался столь же невозмутимым, даже к оружию не потянулся.

— Пан Влад. А вас, панове, как звать-величать прикажете?

— Мирон. Мирон Нечипоренко.

— Не слышал... — дипломатично отвечает мой собеседник.

Усмехаюсь и неторопливо протягиваю руку к кобуре.

Вот тут он дернулся! Пальцы напряглись, и чуть натянулась ткань рукава куртки на правой руке — готов дядя стрелять. Сжался он, вот мускулы ткань и натянули.

Останавливаю движение руки и показываю ему раскрытые ладони.

Так, вроде бы успокоился Влад.

Секунда — и на моей ладони появляется пистолет. Держу его боком, так, чтобы клиент мог прочитать дарственную табличку на рукоятке.

Затейливая вязь латинских букв по серебру складывается в слова: «Поручнику Рокецькому в день юбилея части от сослуживцев». Примерно так можно перевести эту надпись.

Во всяком случае, Влад это может прочесть без труда.

Ослабли напряжённые мускулы на его правой руке — прочёл...

— Мариан?

— Зыгмунд — его сын.

Мой собеседник должен хорошо помнить этот эпизод...

Ввязавшись во встречный бой, солдаты польской бригады тогда не растерялись. Как бы ни изощрялись в своих будущих мемуарах непосредственные участники этого боя, жолнежи вовсе не были напуганы и деморализованы внезапным нападением. В конце концов, это тоже были обстрелянные солдаты, имевшие за своими плечами опыт участия во всевозможных «миротворческих» миссиях. И что делать в подобном случае — они вполне себе представляли.

Головной батальон под командованием майора Рокецького развернулся в цепь слева от дороги. И, выбросив в стороны расчеты пулеметов, смог остановить отчаянную атаку противника. Да, большинство пулеметов было при этом уничтожено, но батальон успел закрепиться, зацепившись за домики небольшой деревеньки. Солдаты даже ухитрились отрыть укрытия для своей бронетехники, попросту углубив имеющиеся естественные ямы и промоины. Над землей высывались только башни с крупнокалиберными

пулеметами — и это моментально ощутили нападающие. На своей шкуре, ага...

А под прикрытием батальона разворачивалась для удара вся бригада. Чаша весов опасно заколебалась. Утратив своё преимущество внезапного нападения, украинские части имели впереди неприятную перспективу полноценного войскового боя. А учитывая наличие во втором эшелоне поляков дивизиона крупнокалиберных самоходок...

И в тот момент на командном пункте батальона появилась группа солдат. Во французском армейском камуфляже, с «АУГами» наперевес, группа крепких мужиков, проскочив простреливаемый участок местности, ввалилась в наскоро отрытые окопы.

— Мсье! — окликнул один из них пробежавшего мимо сержанта. — Командир! Мне очень нужен ваш командир!

Говорил он по-польски неважно, но смысл слов был вполне понятен.

— А кто вы? — напрягся жолнеж.

— Пардон! Лейтенант Шери, вторая рота третьего батальона, офицер связи. Там, за холмами, наши пушки! Надо согласовать цели... Да где же ваш командир?

Вот поставьте себя на место этого сержанта.

Вас зажали почти в чистом поле, противник имеет численный перевес — и тут на помощь приходит артиллерийская батарея... Вы долго станете мурьжить их корректировщиков?

— Пароль?

— Краков! Так ведь? — ответил француз.

Пароль, строго говоря, был вчерашним... но сержант не слышал, чтобы сегодня кто-нибудь назначал новый. Надо полагать, не слышали этого и французы.

Поэтому сержант не стал разводить антимию дальше и, махнув рукой, пригласил корректировщиков следовать за ним. Далеко идти не пришлось: командный пункт батальона размещался в обыкновенном жилом доме, на подходах к которому стоял броневедомитель комбата. Под

бетонным козырьком погреба часовой. Подойдя к дому, французский лейтенант кивнул своим сопровождающим, двое из которых отделились от основной группы и заняли посты поблизости, контролируя все подходы к дому.

— Ваш командир располагать здесь штаб? — поинтересовался лейтенант у сопровождавшего их сержанта.

— Так есть, — кивнул тот.

Стоявший в дверях дома часовой, увидев незнакомых людей, насторожился и перехватил поудобнее автомат.

— То французы, корректировщики! — пояснил сержант часовому. — Позови адъютанта!

Выскочивший наружу подофицер заинтересованно посмотрел на гостей. Вздохнув, французский лейтенант снова пояснил причину своего появления и, вытащив из кармана закатанное в пластик удостоверение личности, протянул его адъютанту.

— Вы должны были получить предупреждение по связи.

Подофицер кивнул.

— Да, такая радиограмма была. Прощу вас следовать за мной.

Отступив в сторону, он сделал жест рукой, приглашая корректировщиков внутрь.

В комнате, где разместился штаб батальона, дым стоял коромыслом. Непрерывно куривший командир батальона сидел около радиостанции, что-то объясняя собеседнику на том конце. В противоположном углу кричал в трубку спутникового телефона другой офицер. На вошедших никто не обратил особого внимания, и только спустя пару минут комбат оторвался от радиостанции и повернулся в сторону гостей.

— Кто то есть, Марек? — спросил он у своего адъютанта.

— То французские корректировщики, пан майор! Нас предупреждали об их появлении.

— Не ожидал, что это будут именно французы, — удивился комбат. — Я ждал корректировщиков, это так. Но почему французы?

— Честь имею видеть перед собой пана майора Рокецького? — вежливо поинтересовался старший коррективщик.

— То так, — кивнул майор. — А кто есть вы?

— Лейтенант Шери, — козырнул француз. — Прошу — вот мои документы!

Взглянув на удостоверение, комбат пожал плечами.

— Что вы делаете здесь, пан лейтенант? Это не ваша война! Потрудитесь пояснить.

— Охотно, — кивнул лейтенант. — Шарль!

И в руках его спутников блеснули металлом бесшумные пистолеты. Тихо хлопнули выстрелы, и из всех находящихся в комнате живым остался только командир батальона. Подскочив к двери, один из мнимых французов вскинул свое оружие. Хлопнул выстрел, и через пару секунд в комнату втащили тело часового. Один из нападавших тотчас же переоделся в его одежду и, подхватив оружие убитого, занял его место у дверей. А обезоруживший комбата лейтенант с интересом разглядывал дарственную табличку на его пистолете.

— Что вам нужно? И кто вы такие? — наконец пришел в себя обалдевший майор.

— Кроме вас самого, пан майор, нам здесь не нужен вообще никто, — ответил ему Шери. — Да, собственно говоря, и вы-то нужны нам всего на несколько минут.

И повернувшись к своим спутникам, он поинтересовался:

— Ну что там со связью?

— Секунду, командир! — ответил один из мнимых коррективщиков. — Есть! И видеосигнал имеем!

Он протянул командиру телефонную трубку.

— Пан полковник Рокецький? — поинтересовался Шери у собеседника.

— Да, это я. Кто вы и что вам от меня нужно?

— Кто я — это не столь важно, пан полковник. А что до надобности...

И нажав пару кнопок на телефоне, он развернул его так, чтобы собеседник мог увидеть на экране своего смартфона связанного по рукам и ногам комбата, который одиноко сидел на табуретке в углу комнаты.

— Вам хорошо видно, пан полковник? Или мне нужно подойти поближе? Вы достаточно четко различаете своего сына?

— Что вам нужно? — прохрипела трубка через несколько секунд.

— Вы будете удивлены, пан полковник, но ничего особенного мы от вас не хотим. Насколько я в курсе, вы получили запрос об оказании артиллерийской поддержки батальону, которым командует ваш сын.

— То так. Получил.

— И ваши корректировщики уже выдвинулись на позиции?

— Так. Выдвинулись.

— Могут вас расстроить, пан полковник: они не дошли. Но ведь вы ничего об этом не знали до сих пор?

— От вас первого слышу.

— В таком случае, пан полковник, если вы получите от них координаты для нанесения удара, в этом ведь не будет явного нарушения служебной дисциплины или воинского преступления? Вы ведь обязаны верить своим офицерам!

— Что вы хотите?

— Вы получите эти координаты, пан полковник. Смею вас уверить, что ваши снаряды не упадут на головы ваших солдат. Они вообще не нанесут никому вреда. Но ведь вас невозможно будет в этом упрекнуть? Все претензии, буде таковые когда-нибудь возникнут, можно будет адресовать исключительно неграмотным корректировщикам. Если, разумеется, их кто-нибудь и когда-нибудь найдет. Взамен же мы оставим в живых вашего сына, придумав ему соответствующую легенду, которая, в свою очередь, очистит его имя от любых подозрений в будущем. Вас устраивает мое предложение?

- Кто вы? — прохрипела трубка.
- «Тени», пан полковник. Вам этого достаточно?
- Вполне... Я могу вам верить?
- Вы можете припомнить хотя бы один случай, когда бы мы не исполняли обещанного? «Не можешь — не обещай, пообещав — выполни!» — таков наш девиз.
- Хорошо...

Удар дивизиона стопятидесятипятимиллиметровых гаубиц вскопал обширный пустырь в километре от позиций атакующих украинских частей. Батальон майора Рокецкого был разбит наголову и отступил, бросая неисправную технику и исковерканное вооружение. Ворвавшиеся в полуразрушенное взрывом здание штаба солдаты батальона вынесли оттуда контуженого командира.

В результате разгрома батальона оголился фланг польских бригад, куда немедленно и со всей возможной злостью поспешили ударить танки ВСУ. И это явилось началом разгрома.

И все бы нормально сошло для отца и сына Рокецких, если бы пришедший в себя командир батальона не решил заработать очков на своем ранении. Рассказанная им история на первых порах была воспринята охочими до сенсации журналистами весьма и весьма благосклонно. Но когда умные люди стали сопоставлять между собой некоторые аспекты произошедших событий и рассказ майора, вдруг выяснилось, что его повествование в ряде моментов прямо противоречит всему тому, что на самом деле происходило.

Дальше — больше.

Нашлись люди, которые вспомнили появление странных французов непосредственно перед тем, как украинские части, не понесшие никаких потерь от удара гаубиц, нанесли удар по открытому флангу батальона. И пошло-поехало...

В довершение ко всему в руках журналистов неведомо каким образом оказалась запись телефонного разговора «лейтенанта Шери» и полковника Мариана Рокецкого.

Рвануло так, что полковник вылетел со службы турманом, несмотря на свои (вполне, кстати, очевидные и реальные) заслуги. А сына — так того вообще чуть не отдали под суд. Хотя подлинность записи так никем и никогда не была подтверждена, хватило и слухов.

Так что в некоторых кругах данная операция «теней» приобрела очень и очень широкую известность. Как правило, «тени» никогда не выступали в открытую на чьей-либо стороне. И уж тем более не принимали участие в военных действиях. Не совсем обычные наемники, с равным спокойствием берущие деньги от украинского президента, правительства Новороссии — да и вообще от кого угодно, никогда не поднимали оружие в защиту чьих-либо политических интересов. Более того, как раз на Украине их и не любили сильнее всего, поскольку имелись вполне обоснованные подозрения в том, что большинство осужденных судами Новороссии пилотов украинских ВВС и были доставлены в их суды именно данными структурами.

Но не пойман — не вор. За руку их никто при этом не схватил, а вот отрицать заслугу «теней» в разгроме польского контингента было теперь совершенно невозможно.

Вот и гадай после этого, чем являлась попытка вторжения польских сил: желанием Польши оттяпать кусок земли или грамотной пиар-акцией «теневого» братства?

Так что предъявленный мною пистолет, ранее принадлежавший незадачливому комбату, в некоторых кругах мог быть воспринят как очень неслабая визитка. Все серьезные люди прекрасно понимали, в чьих именно руках могло оказаться личное оружие неразумного майора.

Разумеется, отправляясь в поездку, я неплохо себе представлял свой маршрут. Равно как и то, кто именно возглавляет этот самый блок. Влад Торопа неоднократно

и публично подчеркивал свое участие в разгроме польских войск. Так что как минимум он должен был слышать и о тех событиях, что этому разгрому способствовали. В любом случае, даже если он и не знает эту историю в деталях, то уж фамилии отца и сына Рокецких знать может.

Как оказалось, пан Влад был неплохо информированным человеком.

После того, как мое оружие заняло полагающееся ему место в кобуре, Торопа окликнул одного из своих бойцов.

— Мыкола! А ну-ка организуй нам сюда что-нибудь достойное!

— Успеем ли, пан Влад? — осторожно интересуюсь я. — Водителю ехать надо.

— Поедет, как разрешу, — подчеркивая свою важность, произносит мой собеседник. — Однако ты, Мирон, человек рисковый! Такие вещи всем подряд показывать...

— Хочешь сказать, что ты, пан Влад, — это все подряд? Я тоже не всю жизнь в лесу просидел. Понимаю, кому и что показывать можно, а кому и не нужно.

— Добре, — кивает мой собеседник. — А сюда какой ветер тебя занес? Неужто и в наших краях у вас какой-то интерес есть?

— Этот интерес, друже, где угодно быть может. Но не переживай: я сюда не по делу. Устал уже от всего. Домой хочу.

Мой собеседник удивленно приподнимает бровь.

— Иди ты... Это вроде как на пенсию выйти хочешь?

— Можно и так сказать. Отдохнуть охота прежде всего. Ни воевать не хочу, ни иное чего подобное делать. Просто жить хочу, как обычный человек.

— Ладно, — хмыкает мой собеседник. — Допустим, что это так. Приедешь ты куда-нибудь, дом купишь или пустой какой займешь, тут таких до фига. Так ведь рано или поздно все равно тебя спросят, кто ты таков и откуда взялся. Что отвечать будешь?

Из нагрудного кармана вытаскиваю вчетверо сложенную бумагу и протягиваю ее Владу.

«Дано сотнику Мирону Крюку в том, что он демобилизован по состоянию здоровья». Дата.

Подпись.

Печать.

Даже и фотография присутствует — всё как положено.

Сей документ исполнен на официальном бланке с подписью заместителя командира Богунского полка.

Мой собеседник вертит в руках документ.

— Ну, а найдется кто такой ушлый, что запросит полк?

— Получит подтверждение, что документ подлинный.

— И что, в натуре есть такой сотник?

— Перед тобой сидит. Можно весь полк опросить, меня там каждая собака знает.

— Так что ж ты сразу с этого не начал?

Хлопцы Влада подносят столик и ставят на него тарелку с нарезанным хлебом и салом. На свет божий появляется пол-литровая бутылка с какой-то жидкостью и пара стаканов. Рядом нарисовалась миска с огурцами и помидорами и горячая, еще пышущая жаром, курица. По местным меркам вполне себе приличное угощение. Некоторое время я молчу, ожидая, пока бойцы отойдут в сторону.

— А сам прикинь, — отвечаю я собеседнику, — вот держишь ты город, за порядком в нем глядишь, все обо всех знаешь. И тут является вдруг такой вот перец. Бывший сотник, вояка старый — это ж сразу видно. И с ходу тебе в лобешник выкатывает: хочу жить спокойной жизнью. Как, сразу в это поверишь или усомнишься?

— Сотник — и спокойной жизнью? — усмехается Влад. — Да я скорее поверю в то, что он подсидеть меня хочет. Сам знаешь, какой спокойной жизнью живут бывшие сотники, особенно в наших краях.

— Вот потому мне и нужен человек, который при необходимости сможет подтвердить: мол, знаю этого сотника, в натуре он по жизни устал, не хочет ничего больше и не опасен никому.

Мужик некоторое время раздумывает. Берет бутылку и щедро наливает себе и мне почти до самых краев. Молча чокаемся, и я проглатываю обжигающую смесь. А неплохой тут гонят самогон! Он, конечно, горлодер, но очень даже в меру. Подхватываю из миски огурец и отламываю ножку от курицы.

Перекусываем. Помидорчики и огурчики тут очень даже неплохие, сало — так вообще великолепное. Видно, что тот, кто его готовил, дело свое знает основательно.

— Иными словами, Мирон, хочешь, чтобы я вписался за тебя?

— Если и так?

— Это можно. Только ведь ты сам понимать должен, за хорошие глаза такое не делают. Случись что — мне отвечать придется. А я свою голову ценю.

— Так и мне башка не на распродаже досталась. Я, как ты понимаешь, не на один день сюда приехал.

— Тем более вопрос есть. И не один вопрос. Ты ж ведь землю пахать не пойдешь?

— Не пойду.

— Значит, есть на что жить?

— Ну, ты ж за дурака меня не считаешь? И чтоб сразу ясность внести, с собой у меня очень мало чего имеется. Так, мелочишка, на первое время.

— Понятно, — кивает мой собеседник. — Я тоже не лопух. Но второй вопрос имеется. И он гораздо серьезнее первого. А ну как завтра уже по твою душу кто-то придет? Черт знает, как у вас там на пенсию выходят? И есть ли она вообще, пенсия эта? Может, за тобой столько косяков набралось, что тебя днем с огнем по всему Дикому полю разыскивают?

Вот придут такие же ухари, да и заметут разом всех, кто тебе помог. Или, скажешь, не бывает такого?

— А ты полагаешь, что за это уже кто-то заплатил? Понятное дело, что здесь пан Влад человек не последний. Но так то — здесь! Или думаешь, что уже столько дел натво-

рил, что кому-то интересен стал? В плане заработка, имею в виду. Так могу разочаровать: это не так. Я про тебя знаю, так оно и понятно, мне тут жить. А уж куда пойду после, как говоришь, пенсии да где жить стану — про то никому из моих коллег интереса нет. Уйти можно только чисто, без долгов и косяков. Накосячил — живым никто не выпустит. Не дожидаясь вопроса, отвечаю: наши люди здесь есть. Про меня знают. Никаких вопросов ко мне у них нет. Чисто ушел — живи спокойно. Я хочу, чтобы таких вопросов не возникло и у кого-нибудь другого. И за это готов платить.

Снова наливаются стаканы. Хрустит на зубах закуска. Моего собеседника тоже можно понять: не каждый день из проезжающего автобуса падает на твою голову такой вот пассажир. Я кое-что знаю про Влада. Он тоже непростой мужик. Но при всех его заслугах командовать захудалым блокпостом — это плохо завуалированная форма отставки. И даже не почетной отставки. Его попросту убрали с глаз долой. Дали в зубы кусочек хлеба для прокормления и оставили видимость серьезного дела. На хрен никому не нужный блокпост, через который давным-давно никто, кроме окрестных селян, не ездит. Да, хватит на еду и выпивку. Может быть, на нечастые посещения трактира в городе. И все. Зато неудобный человек надежно отодвинут в сторону и лишен какой-либо возможности для вербовки сторонников. По каким-то неизвестным мне причинам его не убили сразу. Оставили в живых, дали синекуру. И отодвинули на самую периферию происходящих событий. Мое появление для него — это неплохой шанс немного заработать, плюс ощущение причастности к чему-то серьезному, выходящему за рамки местечковых разборок. Прогуляет ли он полученные от меня деньги в ближайшие две недели в кабаке, или у него хватит ума потратить их с большей пользой, я сейчас сказать не могу. Да по большому счету, мне это все равно. Лишь бы он выполнил то, что мне от него нужно.

— Хорошо, — говорит Влад. — Тебе ведь дом нужен?

- Дом есть. Он тут всегда был. Ремонт — нужен, это да.
- Уверен, что там никто до сих пор не живет?
- Не живет. Я это точно знаю.
- Ладно, — соглашается мой собеседник. — Будем считать, что мы договорились.
- Что ты хочешь?
- А вот об этом мы в другой раз поговорим. Не здесь. И не сейчас.

Выпрыгнув из автобуса на центральной улице когда-то оживленного городка, с интересом оглядываюсь по сторонам. Я очень давно не был здесь. Но мне кажется, что за прошедшие годы абсолютно ничего не изменилось. Разве что исчезли в небытие многочисленные рекламные щиты и всевозможные агитки, расклеенные в свое время на заборах. Не могу сказать, что эта потеря была настолько ужасной, город, по-моему, от этого только выиграл.

Обернувшись назад, вопросительно смотрю на одного из тороповских хлопцев, который выбирается из автобуса следом за мной. Он не по своей воле сюда отправился — пан Влад прислал.

— Так, хлопче! Слухай сюда! — старший поста строго смотрит на одного из своих солдат. Тот в струнку вытянулся перед своим командиром и почти не дышит. Однако... репутация у здешнего начальника...

— Проводишь пана сотника в город! Вопросов не задавать! Что спросит он — отвечать быстро! Поможешь там... чем надо будет. Кто и что спрашивать станет, скажи — я его знаю!

И обернувшись ко мне, Влад уже немного другим тоном говорит: «Кормежка и прочее — за тобой».

Это даже не вопрос — утверждение.

— Спать где есть?

Торопа хмыкает.

— Город же! Всё там есть...

Вот так!

Сотник... — то-то парень так сробел. В иных местах люди в подобных чинах города под собою держат. Особенно — если это сотники *старые*, людьми признанные. Имеющие связи, уважение в обществе и соответствующую репутацию. И неслабый опыт — кое у кого даже и боевой. Сам Влад до подобного чина не дорос, но это не сильно повредило его репутации — народ его и без того побаивается. Ну, насколько я в курсе, он тоже тот ещё головорез. Но до сотника Богунского полка — ему ещё топать и топать. Хотя здесь тоже есть свои сложности.

Пусть по документам я отставник из серьезного подразделения. Но полк — во Львове.

А Торопа — здесь.

И не факт, что заезжий сотник весит тут больше, чем местный бандит. Это надо учитывать. Всегда.

Центральная улица города выглядела... ну, словом, она была. Была именно центральной — и это понималось с первого же взгляда.

Вот у многих не раз возникали вопросы: за счет чего живёт Дикое поле? Какую-то гуманитарную помощь сюда, разумеется, завозили, не без того. Но накормить здоровенную территорию с многочисленным населением... тут эшелонами возить надобно! А этого не было. Разумные люди на Западе быстро подсчитали, что такого количества гумпомощи хватит на очень небольшое количество населения, прочие же быстро вымрут или сбегут. И это, в принципе, устраивало очень многих — так и воевать не нужно, сами бандиты перемерут...

То же Косово — разве что с голоду не пухнет, только наркота и спасает. А там *такой* войны не было! А уж как им только ни помогали!

Но, откровенно говоря, я никогда не обольщался насчет умственных способностей косоваров. Примитивные раз-

бойники, не более того. Здесь же, в Диком поле, ситуация была совсем иной.

Начнем с того, что существовавшая здесь промышленность и сельское хозяйство никуда не делись. Разумеется, о прежних достижениях и говорить было нечего. Да и были ли они, эти достижения? Понятное дело, что о каких-нибудь там космических технологиях речь и не шла. Но вот много чего, в жизни очень даже потребного, здесь делали до сих пор. Начиная со стрелкового оружия и заканчивая очень даже простыми штучками... С вывозом проблем не было почти никаких. Понятное дело, что за «черную стену» или куда-нибудь в Россию вывезти невозможно было почти ничего. Правда, поговаривают, что и здесь не всё было столь однозначно...

А вот во Львовщину — хоть бронепоезд можно было перегнуть! Уж и не говоря о менее масштабных вещах. Все пограничные структуры — хоть украинские, хоть западные — оказались поголовно коррумпированными.

И наконец — море...

Николаев, Одесса и множество совсем небольших причалов были к услугам всех желающих. У атаманов Дикого поля хватило ума не разносить на щепки портовые города и их инфраструктуру. Нет, кое-что, конечно, пострадало... но много чего и уцелело. Атаманы даже придумывали какие-то работы, чтобы подкармливать население этих мест. Оно, по правде сказать, сильно сократилось, но всё равно — там ещё оставалось достаточно жителей. Вот всякие там пенсионеры — эти разбежались почти в полном составе. А те, кто решил заработать в этом бардаке — остались. И многие чувствовали себя вполне приемлемо. По крайней мере, налоговой инспекции тут не водилось. А с бандитами всегда можно и поладить, свои же...

Развернулись в Диком поле и всевозможные пороки — вот уж где раздолье-то было! Начиная от азартных игр и заканчивая *такими* развлечениями, о которых старались даже и не вспоминать.

Понятное дело, что появление столь серьезного конкурента не могло обрадовать уже существующие криминальные структуры.

Серьезные дяди нахмурились — Дикое поле и ухом не повело.

Дяди намекнули на своё неудовольствие — им показали неприличный жест.

В Дикое поле были направлены специальные люди — разъяснить всю пагубность подобного поведения.

Людей этих так никто более не видел...

А на опустевшем постаменте в Харькове откуда-то появился новый «памятник» — человек, посаженный на кол. Станным образом он напоминал одного из весьма уважаемых людей из Италии. Очень может быть, что он им и являлся, ибо этого самого человека с той поры никто более не видел.

Пробовали было возмутиться косовары — с теми вообще поступили так жестоко, что они более никогда и не пытались повышать голос. Те, разумеется, кто эту способность вообще сохранил...

Словом, когда охреневшие от подобной неожиданности правоохранные органы многих просвещённых стран очухались, на границах Европы расположилось новое криминально-анархистское (на первый взгляд) образование. Непонятным образом оно вписалось в теньевую (это-то понятно) и в легальную (а вот это — уже не совсем...) экономику разных стран.

Тебе надо что-то сделать? Выпустить некий продукт, против производства которого активно возражают «зеленые»?

Не вопрос — подпольные фабрики Дикого поля охотно разместят у себя этот заказ.

Надо организовать какое-нибудь мероприятие, супротив которого отчего-то настроено законодательство страны?

К твоим услугам есть любые территории. Заселённые и опустевшие — выбирай!

Испытать новое оружие? В том числе — и в реальном бою?

Пожалуйста: в Диком поле воюют всегда! Только пла-ти — и завози хоть ракетный комплекс!

Наконец, иногда возникает необходимость где-то на время (а то — и навсегда...) исчезнуть.

Тоже не вопрос, здесь тебе изобразят любой документ, на какое угодно имя и фамилию. Самое пикантное в том, что этот документ будет признан любой погранслужбой ЕС!

В Диком поле отмывали деньги, перепродавали краденое — целыми эшелонами. Станным образом сохранились и даже работали все железнодорожные пути. Эти поезда почти не грабили! Точнее — не грабили вполне определённые поезда... Так, например, после ограбления российских составов над дорогами тотчас же повисали спутники слежения. Да, откровенно говоря, они никуда и не девались — болтались на орбите постоянно. Просто *чужие* грузы Россия не отслеживала — сотрудничество в сфере освоения и использования космоса давно стало хорошо забытой сказкой.

Американцы ничего через эти степи не возили, а Европа уже не имела своих незадействованных спутников-шпионов, которые можно было бы отвлечь на выполнение непрофильных задач. Запуск же своих спутников после очередной аварии ракеты-носителя стал делом уж слишком затратным. Даже и для самых развитых стран. Американцы чужие спутники не отправляли, а русские требовали *таких* денег...

Поэтому, когда в очередной раз разлетелся в пыль «дворец» очередного глупого атамана, оставшиеся в живых коллеги покойного наконец поняли: *этих* грабить не нужно, себе дороже встанет.

А вот всех прочих — это за милую душу!

Постепенно сложились и правила поведения, манера общения и алгоритм взаимодействия с окружающим миром. Атаманы учились быстро! И хотели жить долго.

И пусть здесь не существовало никакой единой власти, решать вопросы можно и на среднем уровне, президент для этого совсем не нужен.

Жуткое это получилось образование... Дикое поле...

Но надобность в такой «черной дыре» имела у очень многих. Был спрос и на негодяев — их проще держать здесь, дабы они, наконец, взаимоистребились во всяких междоусобицах, а не проедали в тюрьмах деньги налогоплательщиков... А при необходимости всегда известно, где искать очередной десяток-другой безбашенных отморозков.

Подними трубку телефона, скажи пару фраз посреднику — и завтра тебя будет ждать в условленном месте частная армия. Хоть в пару тысяч человек...

Разумеется, подобная организация внутренней структуры Дикого поля не прошла гладко, были эксцессы и не маленькие.

Почувствовав «свободу», на свет божий ломанулись всевозможные мечтатели и «теоретики». Прискакали аж с совсем далеких краев, из спокойных и тихих стран. А как же! Такой шанс выпадает — реализовать свои мечты и чаяния... Вольно же им было прогнозировать свои прожекты в тиши уютных кабинетов, в то время как за окном прогуливались мирные горожане. Когда же их «выстрадавшие» теории столкнулись с суровой реальностью в лице какого-нибудь «сотника Петро», действительность оказалась прямо-таки пугающей.

Первый — и самый сокрушительный — облом ожидал сторонников построения «свободного» общества независимых крестьян.

Во-первых, эти самые крестьяне отчего-то совсем не горели желанием делать хоть что-нибудь ради «общего» (читай — чужого) блага. Для себя — всегда пожалуйста! А вот хоть раз копнуть лопатой во имя неизвестно чего... Пущай сосед пашет, у него времени до фига! Соответственно, накрылись медным тазом и все утверждения о том, что «добровольно объединившиеся» крестьяне смогут стать

надежным противовесом всевозможным бандгруппам. Ага, как же, стали они...

В тех же местах, где таких вот «независимых» самыми разными путями удалось объединить в более-менее крупные сообщества (как правило — совсем не добровольным образом), итоги вооруженного противостояния с бандами тоже оказались не столь однозначными. Нет, мелкие бандочки и группы отбивать вполне удавалось. А вот бодание с крупными группировками всегда и везде происходило крайне болезненно. Ничем и никак не стесненные в средствах и методах «убеждения» бандиты в итоге избрали наивыгоднейшую тактику. Не хотите продавать продовольствие (вариант — платить дань)? И не надо — соседи продадут. Или гуманитарку задействуем. А вы, раз такие упертые, попробуйте выпасать скот у себя во дворах. Там же и хлеб можете растить. За забором ваше хозяйство — там и рулите, как душе угодно.

Почему так?

Да просто всё.

На корову бронезилет не наденешь... Неплохой стрелок успевал проредить стадо за несколько минут. Это растить корову долго, а застрелить — много быстрее получается.

Аналогичным образом обстояло дело и с любого рода полевыми работами. Сколь угодно сложная техника разбиралась на запчасти за две-три минуты — и с дистанции в несколько сотен метров. Как? А вы про такой инструмент, как КПВ не слышали разве? Нет? Ну и кто ж вам доктор опосля этого?

Парочка самых упертых общин в прямом смысле этого слова вымерла с голоду. Нет, их никто не стал обстреливать или накрывать артиллерией, зачем?

Просто лишили возможности работать и кормить себя. А любые запасы — они ведь тоже когда-то заканчиваются. Не спасло общинников и поголовное вооружение — патроны плохая замена хлебу. Перекрыв любую возможность

какого-либо обмена с соседними поселениями, атаманы быстро показали всем «слишком вумным» кто в доме хозяин.

Контроль дорог — это очень серьезный аргумент.

Прочие же крестьянские хозяйства быстро просекли — лучше договориться.

Против этого никто, собственно, и не возражал. Задачей атаманов было пресечение ненужной никому самостийщины — и этого добиться удалось. Не без крови, так и что с того? Скрепленные кровью дураков договоренности всегда крепче, нежели те, которые основаны только на бумагах.

В конечном итоге, договор был заключен. Банды не вмешивались в деятельность фермеров и более того — старались придерживать слишком ретивых сотоварищей, не допуская никакого беспредела и явного самоуправства. Фермеры и различные хозяйства обязались подкармливать своих «благодетелей», поставляя им продовольствие в оговоренном количестве. Все прочее можно было продать — существовали рынки и кое-какая транспортная система. Более того! Поскольку никаких удобрений и прочего в Дикое поле не завозилось, продовольствие можно было продавать как экологически чистое! Понятно, что в качестве продавцов не могли выступать какие-то там неизвестные фермеры, а вот уважаемым господам из сопредельных стран это было вполне к лицу. И ещё один прибыльный бизнес завертелся...

На полях появились фигуры «наемных» рабочих, которым, правда, никто не заморачивался выплачивать какую-либо зарплату. Ибо за качеством их труда наблюдали веселые ребятишки с карабинами. Причём не все они были подчиненными атаманов, фермерские отпрыски тоже быстро вошли во вкус, почуввав выгоду от дармового рабского труда.

Откуда брались эти люди?

Да... много было разных путей. Кто-то рассчитывал таким образом отработать долги (наивные...), кого-то прямым образом «запрягли» за различные проступки и огре-

хи. А кое-кого — так прямо спровадили именно в Дикое поле — на перевоспитание. Удивительное дело, но на полях можно было иногда встретить даже осуждённых преступников! Причём осужденных даже не на Украине!

Очень похожим образом заработала и промышленность.

Там всё было ещё проще. Без сырья и электричества не может функционировать ни одно предприятие. Поэтому было вполне достаточно поставить вооруженный пост у рубильника. А дороги и так все уже были под контролем — ничего не привезти и не вывезти незаметно.

И вилы...

Хотели директора этих производств принимать условия атаманов или нет — их никто и не спрашивал. Делаешь так! Это — нам, всё прочее — тебе.

И всё.

Раньше надо было рогом упираться... пока ещё не возникло Дикое поле.

Те, кто данные условия принимал, получал на завод представителя местного атамана, вооруженную охрану лично для себя — и полную свободу действий по отношению к своим работникам. На предприятии должно быть тихо, а продукция — качественной и поставленной своевременно. Как ты это обеспечишь — твои проблемы. Хочешь — плати, хочешь — поставь к каждому рабочему надзирателя. За свой счёт, разумеется... Пока ты выполняешь условия соглашения — можешь тут творить что угодно. Нарушил договор — охрана снималась...

Новый директор, как правило, все понимал сразу. Явного и неприкрытого брака в продукции Дикого поля не отмечалось. Качество и своевременность... тут да, проблемы имелись. Зато — дешево!

При всей абсурдности происходящего это как-то работало. Слишком много серьезных игроков было заинтересовано в таком вот образовании. Западным бизнесменам приносили серьезные прибыли предприятия, которых официально не существовало. Не имелось проблем с на-

логами, экологами и профсоюзами, а вопросы мигрантов в Диком поле не волновали никого. Россия же вполне удовлетворилась тем, что некогда единое украинское государство сократилось до скромной, вполне европейской по территории, страны. Ибо никакой военной опасности для Новороссии уцелевшие ВСУ представлять не могли в принципе. А у атаманов стихийно возникшего новообразования хватало и иных забот. Война с Новороссией им была не нужна — слишком уж зубастый народ там окопался. Да и проще было с ними торговать, благо что уголь нужен всем. И металл — а его у новороссов хватало... Ходили слухи (разумеется, ничем и никак не подтверждённые), что эта продукция покупается даже и Львовом! Не говоря уже о «цивилизованных странах» — там людей небедных и образованных тоже хватало... и упускать свой гешефт из-за каких-то там политиков никто не собирался. Для того и нужно было Дикое поле — зашедший сюда товар растворялся бесследно, чтобы потом всплыть где-нибудь в ином месте, но уже под совсем другим брендом.

Сначала новоявленные украинские власти этого не понимали. И даже пробовали с подобными явлениями бороться. Для начала попробовали захватить и досмотреть корабли, которые мирно чапали из Одессы куда-то далеко — мол, пираты, в которых непостижимым образом внезапно трансформировались команды судов, отказались подчиниться требованиям законных властей! Ну, назвать их контрабандистами — ещё так-сяк, а вот пиратами? С какого бодуна-то? Секретом подобной трансформации, по-видимому, владели только во Львове. Мол, *мы* хотим, чтобы было именно так — значит, так оно и будет! Кто бы и что бы по этому поводу не думал. И на перехват кораблей из Очакова вышли катера украинских ВМС.

Капитаны судов, которых попытались остановить, от исполнения приказа вежливо уклонились — мы уже не в территориальных водах Украины! Руководство настаивало, и катера показали зубки — дали залп. Пока пред-

упредительный. Радио на атакованных кораблях тотчас же завопило на весь мир. И тогда терпение у военных моряков лопнуло — ракеты разворотили радиорубки у крикунов. Заодно и по надстройкам пулеметами прошлись — кому-то там привиделись люди с оружием — нервы у всех были на взводе. После очередного залпа один из кораблей загорелся. Не факт, правда, что его сама команда не подожгла... были потом и такие намеки. Мол, что-то там такое везли... или денег именно за пожар заплатили — сейчас уже толком и не выяснить. Так что когда накренилось набок и второе судно, никто уже ничему не удивился. Команды потопленных судов, еле успев выбраться со спасательных шлюпок на берег, были тотчас же арестованы. И вот тут во Львове шарахнуло... да так, что новоназначенный министр обороны, совместно с министром МВД, не только турманами вылетели со своих мест, но и приземлились на скамью подсудимых — в Гааге. Список предъявленных им обвинений оказался неожиданно обширен и впечатлял тщательностью аргументации. Там оказались даже данные, «любезно» предоставленные Новороссией! Не говоря уж о русских — те и вовсе прислали целые тома. Выяснилось, что документированием неприглядных действий подсудимых Россия занимается далеко не первый год — и не только на Украине.

В этом списке прегрешений потопленные корабли скромно занимали последние места — но умные люди всё быстро поняли. И в самом же деле, не за какие-то там расстрелянные во время АТО села судить таких людей? Эдак и вовсе до каких-то неприятных обобщений дойти можно!

Намек был понят. И понят правильно.

Подсудимые что-то там получили. После чего навсегда исчезли из политики, да и вообще с глаз долой. Неудачникам ничего не прощают.

А корабли, шедшие из ныне вольных портов — Одессы и Николаева, украинские пограничники и таможенники теперь не видели в упор.

Не для того создавалось Дикое поле, чтобы какие-то туземные политики ставили палки в колеса серьёзным людям. А по-настоящему серьёзные люди — они себя ведут тихо. На публике особо не пиарятся, глоток не рвут — чай, не на митингах присутствуем, и вообще они не слишком заметны. Равно как и их представители — те и вовсе народ непубличный и очень аккуратный. К тому же большинство этих людей крайне мстительны и обладают хорошей памятью... оппонентов временами и со стен ложками соскребать приходится. Вот и посетили такие неприметные господа некоторые официальные кабинеты, даже и домой к государственным деятелям в паре случаев наведались. Что уж они там за аргументы выдвигали — бог весть! Но восприняты они были со всей серьёзностью.

Хрен с ними, с этой Одессой и Николаевым... и поважнее вопросы есть. Или будут. Но времени — все едино нет. И денег внезапно может не стать, — что, только на гривны жить прикажете? Ещё скажите — на зарплату... на одну.

Самим-то не смешно?

Вот поэтому я ничуть не удивился, увидев на одном из многочисленных ларьков вывеску с логотипом «Sony». А что? И не такие ещё тут бренды продавались — только плати! Можно легко купить хоть «Мерседес» последней модификации — и гордо рассекать на нём по городу. За городом-то им пользоваться... как-то не с руки... дороги, мать их за ногу!

Кстати...

Оборачиваюсь к сопровождающему.

— Тебя звать-то как?

— Тарасом, пан сотник!

— Добре... ну, что ж, Тарас, давай, веди меня туда, где тут перекусить и отдохнуть можно. Да не в какую-нибудь забегаловку!

— Так, пан сотник!

И ведь не подвел, шельмец!

Внешне неказистое заведение внутри оказалось очень даже неплохим местом. Не пятизвездочный отель, разумеется, но и далеко не кабак на окраине. Чистые скатерти на аккуратных столах, прилично одетый официант. Не в смокинге, ясен пень, во вполне нормальной одежде. Даже с небольшой претензией на национальный колорит.

Стоило нам (Тарасу я кивнул на стул напротив) присесть за столик, как официант тотчас же возник рядом, вопросительно глянув на моего сопровождающего. Я бы даже сказал, что с некоторым удивлением. Мол, откуда у тебя, хлопче, деньги завелись?

Ага, стало быть, ребятишек Влада тут знают. Это плюс!

И знают, что особо финансами на том блоке не разживешься. Тоже учтем.

— Чего изволит пан... — обратился ко мне представитель местного общепита.

— Сотник Крюк...

Официант попытался принять подобие строевой стойки. Получилось это фигово.

— Поесть. Нам обоим. Что имеем?

— Борщ. Харчо есть.

— Борщ давай. На второе что есть?

— Мясо. Жареное и тушеное, котлеты, рыбу свежую завезли — сом. Из гарниров — каша гречневая, макароны всякие — на ваш выбор. Картошка — какую пожелаете...

— Стейк. Со спагетти. Закуску, зелень там всякую... Водки граммов двести — мне. Ну и всё, что к этому положено. Тарас, ты там сам выбирай...

Парень мордой в грязь не ударил — выбор оказался вполне себе на уровне. «Так, — сделал я пометочку, — а ведь он тут не в первый раз! Знаком с ассортиментом данного заведения, да и официант его признал. Стало быть, захаживал сюда пан Влад, ещё совсем недавно захаживал... да и кодлан его рядом был».

Кивнув, сотрудник общепита испаряется — прямо-таки иллюзионист! Ему с такими талантами только в цирке выступать — большие деньги бы грёб!

Водку нам принесли быстро — мой сопровождающий и себе тоже двести граммов заказал. Хорошую, кстати, шведскую. И ни разу не паленку — уж здесь меня не проведешь! На вкус — абсолютно нормальная вещь! Огурчики, зелень — всё, как и должно быть.

Первые сто грамм ухнули в желудок совершенно незаметно, только напруг слегка отпустил. Что ни говори, а разговор с Торопой тоже был не так чтобы совсем легким.

А тут и борщец подоспел...

И хороший, надо сказать, борщ-то! Истинно украинский, как в старые времена. Жили же люди, эх! Ну, если у них и мясо соответствующее — одним постоянным клиентом тут станет больше.

Тарелка быстро показала дно, и я отваливаюсь на спинку стула — хорошо!

Да, теперь я тут постоянный посетитель, решено!

— Тарас, у них тут что-то типа номеров есть?

— Есть, пан сотник. Только... дорого здесь... Григорий цену держит.

— Но ведь живет же здесь кто-то?

— Так, пан сотник. Есть такие люди.

— Стало быть — не дороже денег. Да и жить я у него недолго собираюсь — пока дом починят.

Договариваться на этот счет пришлось уже с управляющим — пронырливым таким парнем. Ощупав меня всего своими бегающими глазками, он предложил номер на втором этаже. При ближайшем изучении это оказалось вполне приличное жильё, даже и туалет был свой. Смотрю на Тараса и вижу, как он поджимает губы. Ага...

— Вот что, любезный, — внимательно рассматриваю пуговицу на рубашке у управляющего. — Мне отчего-то показалось, что тут кое-кто что-то не до конца просёк...

Мой собеседник пятится назад, но там невозмутимо возвышается тороповский хлопец. Обойти его в узком коридоре не очень-то получается.

— Э-э-э...

— Кто тут раньше жил?

— Ну...

— ??

Номер нашелся другой. Почище и опрятнее, но в целом — точно такой же. Кидаю рюкзак на кровать и, подождав, пока за управляющим закроется дверь, поворачиваюсь к Тарасу.

— И в чем дело?

— Тот номер... пан сотник... в общем, не надо там жить. Там никто долго не живёт, такое дело.

— Почему?

— Ну... по-разному всё бывает. Кто-то перепился, так прям там и откинулся, кого-то зарезали — и опять там же. И вообще... там никто не останавливается. Так уж сложилось.

Стало быть, это аккуратная проверка на лоха. Непрост управляющий, надо будет к нему повнимательнее присмотреться.

Однако дело не ждёт, надо бы и сходить кое-куда.

— Тут ежели вещи оставить, не сопрут?

— Могут... Но если в сейф положить — за это уже управляющий отвечать станет, — кивает в сторону стенового шкафа мой сопровождающий.

Это у них сейфом обзывается? Хороший у местных жителей юмор!

Но в действительности меня ждал сюрприз! В шкафу оказался настоящий австрийский ящик для хранения ценностей — даже и с цифровым замком.

Открыв переднюю стенку, некоторое время изучаю инструкцию, написанную на ней с тыльной стороны. Всё, в общем, понятно, ничего принципиально нового и неожиданного тут нет. Присутствует здесь и ключ установки

и смены кода замка, так что даже хозяин подобного заведения будет не в силах этот сейф потом открыть.

Забросив внутрь ящика кое-какие вещи, киваю Тарасу на дверь — пора!

Улицы города за то время, пока я отсутствовал, изменились мало. Каких-то домов уже не было, и на их месте зияли пустыри и проплешины. Кое-где имелись и новые строения — но их было немного.

Присутствовал на улице и народ — не тот, праздно шатающийся, а весь из себя «целеустремленный и вдохновенный». Шучу, конечно...

Редкие прохожие явно куда-то все спешили — и очевидно не просто так по улице шастали. Каждый что-то тащил или занимался конкретным делом. Это-то и понятно: обстановка в Диком поле к праздному времяпровождению отнюдь не располагала. Никого и нигде за так не кормили, и всякое бесцельное брожение давно уже закончилось. Единственные, кто себе ещё мог позволить такие вот прогулки — это лица, приближенные к власти. Но я был бы сильно удивлён, встретив их на улице. Да и не я один — у таких людей имелись для прогулок и отдыха особые места. Там, кстати говоря, их и находить было проще в своё время...

Ладно, что-то я отвлёкся на воспоминания... не сейчас!

До нужного места мы добрались относительно быстро, за полчаса. Была бы машина — так и за несколько минут доехали бы.

— Вот, — киваю Тарасу на дом. — Этот надо отремонтировать. Крышу перекрыть, стены поправить. Ну и внутри марафет навести, это уж само собой разумеется. Что нужно для этого?

Парень, сдвинув кепи на затылок, осматривает строение. Заходит во двор, оглядывает дом, пробует рукой стены. Не спешит, и это мне нравится.

— Точно этот дом?

— А что?

— Так тут и получше есть... в смысле — поцелее. Здесь вон — целого куска стены нет, внутрь дождь наверняка заливал, пол менять надо.

— У тех домов и свои хозяева есть, а этот — мой!

— Как хотите, пан сотник. Рабочих найду, все потребное для ремонта уже они сами достанут. Только им ведь заплатить надо будет...

— Сколько?

Тарас ещё раз оглядывает строение, что-то прикидывает.

— Ну... Пару тысяч карбованцев — это только для начала.

Нормальная цена, я ожидал чуть больше.

— Сойдет. И сотню лично тебе, чтобы за ними присматривал. Закончим — в долгу не останусь. А с твоим шефом мы как-нибудь все уладим.

— Дайте и ему сотню — я тут вообще до окончания ремонта поселюсь. И мужики быстрее работать станут в таком случае.

Недорого же ценит Торопа своё воинство! Хотя, по нынешним меркам, сотня карбованцев — это зарплата неплохого мастера.

— Договорились. Гривны подойдут? По какому курсу их тут берут?

В глазах моего собеседника сразу вспыхивает огонёк интереса.

— Ну... это смотря кому сдавать...

— И кому же?

— Управляющему можно — не обсчитает, но и курс будет уже не таким выгодным. Один к двадцати... может, и к двадцати одному... Смотря сколько сдавать станете, пан сотник.

— Так. А ещё кому можно?

— Можно менялам — их тут человек десять есть. Тут и до двадцати пяти можно догнать, но ухо остро держать

нужно. Если больше сотни сдаете — в одиночку не ходите, обманут или кинуть постараются. Они такие... не совсем беспредельщики, но уже рядом где-то.

— А что — и беспредельщики тут есть?

— Так где же их нет? — удивляется мой собеседник. — Есть, конечно. Эти дороже возьмут, им ни с кем делиться не нужно. Но вот уж к ним идти — пять раз подумать надо.

— Даже и с тобой?

— А что — я? Тут с паном Владом надобно: мы для них не авторитеты.

— А он, стало быть, авторитет?

Парень мнетяся. Денег ему, разумеется, охота, но своей башкой рисковать совсем не хочется. Да и не врет он, по глазам видно, что для указанной категории лиц он особенной опасности не представляет. Был он на таких встречах однозначно, но сам дела не вел — видать, в качестве охраны присутствовал.

— Ладно. Пана Влада мы беспокоить не станем. Покажешь мне этих ухарей, понял? И не тушуйся — тут и твоя доля присутствует. Я, чтобы ты знал, должником ходить не люблю — плачу сразу.

Тут надобно пояснить.

Несмотря на грозное название, указанные товарищи изначально никакими бандитами не являлись. Да и теперь они ими не были. В отличие от «официальных» менял, которые пользовались покровительством атаманов и властей, эти ребята занимались тем же ремеслом, но на свой страх и риск. Менялы отстегивали главарям отрядов и атаманам, на чьей территории трудились, положенный процент (в разных городах он был разным) и могли рассчитывать на их защиту и поддержку. Стоило это недешево, но оно того стоило. А вот беспредельщики могли рассчитывать сами на себя — и только. Им не мешали, но и особо искать их обидчиков никто не собирался. Оттого и не имелось у них тогда никаких офисов и контор.

Заговорили же о них после одного случая, произошедшего года два назад...

Некий удачливый атаман, заполучив в свои руки изрядную сумму денег, возомнил себя ровней падишаху. А возомнив, решил эти самые денежки обменять на что-то, признаваемое в данном качестве не только в Диком поле.

Надо сказать, что «официальной» валютой дикопольцев к тому времени уже были карбованцы — напечатанные, кстати, вполне легально в типографии Гознака.

В данную типографию поступил заказ от некоего лица (или группы лиц...) на изготовление в коммерческих целях «расчетных купонов с высокой степенью защиты». И хотя внешне они имели все признаки денежных купюр, официально таковыми не являлись. Кстати говоря, на них отсутствовали также и обязательные атрибуты этих самых дензнаков — предупреждение о недопустимости подделки. Разумеется, никаким Диким полем и не пахло: заказ поступил из Голландии.

Руководство Гознака потребовало полной предоплаты — она была тотчас же сделана. Пожав плечами, директор отдал приказ о печатании партии «купонов» с предоставленных заказчиком эскизов. За отдельную плату россияне разработали и внедрили сложную схему защиты от подделок — тут им равных попросту не имелось.

«Мы же не госструктуры... — разводил руками представитель заказчика. — И не можем никого привлечь к ответственности за подделку. Вот и стараемся всячески усложнить негодяям жизнь, пусть даже и таким образом. Выйдет подделка плохого качества — этого нам и надобно, быстро заметят. Народ же — он сам разберётся и сам накажет!»

Директор только плечами пожимал: «Ну у вас и народец-то!»

«Дикари... — соглашался представитель заказчика. — Совести и ума совсем почитай что и нет... и не любят, когда их обманывают».

Этого никто не любил — и директор, похоже, сделал вид, что поверил словам своего посетителя. Но в ФСБ позвонил-таки. Те, словно черти из коробочки, нарисовались уже через двадцать минут — словно у ворот звонка ожидали.

Изучили документы на заказ, вежливо побеседовали с представителем заказчика и также вежливо испарились.

«Не наша епархия, — сказал директору типографии их старший. — По документам всё в норме, признаков мошенничества не усматриваем, намеков на контрабанду или ещё какой-нибудь фортель противозаконный — тоже нет».

— И что?! — опешив, спросил главный гознаковец. — Мне им отказать?!

— Это уж ваше дело... — развел руками эфэсбэшник. — Нам они неинтересны — от слова «совсем».

Так или иначе, но заказ был выполнен в срок, и объёмные контейнеры с готовой продукцией вывезли за ворота фабрики.

Качество и скорость исполнения заказа принимающей стороне очень даже понравилось, так что расстались все в приподнятом настроении.

А через пару месяцев карбованцы всплыли в Диком поле — причем сразу на всей его территории.

Операция эта, провернутая очень быстро и совершенно неожиданно, явилась сюрпризом для очень многих. Хотя ряд сопредельных государств воспринял её совершенно отстранённо. Мол, хотят там играть в какие-то игрушки — на здоровье! У нас с ними никаких дел (официально...) нет. Не торгуем ничем (опять-таки — официально), а если иногда и по очень большой нужде (во имя страдающего населения, естественно!), что-то кто-то кому-то и платит — так не карбованцами, а реальными деньгами.

Кстати, очень скоро выяснилось, по какой причине на карбованцах не печатали никаких грозных предупреждений. Они все равно никого бы здесь не напугали! Нашлись такие умники... и очень быстро потерялись... Не только

сами — но и члены их семей. И ближайшие соседи, по совместительству работающие охраной. А что? Бизнес — это святое! Я к вам нос не сую, вот и вы в мой карман не заглядывайте.

После того, как загадочным образом сгорел — вместе с особняком, семьей и охраной — очередной такой вот умник, карбованцы можно было хоть в увеличенном виде на стендах вешать в качестве образца: желающих что-то там конкретное сотворить в смысле подделки днем с фонарем невозможно было отыскать. Никакие границы карателей не останавливали в принципе.

Так никто и не выяснил, чьи хлопцы уничтожали хутора и деревни фальшивомонетчиков, но намек был правильно понят всеми: карбованцы больше не подделывали. Евро, доллары и гривны — да, за милую душу! Не нами начато — не нам и заканчивать. Не своё...

Появился и обменный курс карбованца к основным валютам. Правда, в газетах его не указывали, но в интернете найти было легко.

И вот в такой ситуации некий атаман решил обменять несколько толстых пачек карбованцев на евро. Некоторые, правда, уверяли, что там и не пачки были, а целые чемоданы.

Жаба же, душившая атамана, судя по всему, относилась к каким-то и вовсе неслыханным чудищам: торговался он отчаянно и лишних процентов платить не хотел. Так и вышел на... тогда они носили вполне нейтральное название — «курьеры». И были вполне респектабельными менялами.

Стороны договорились, ударили по рукам, и первый чемодан карбованцев легко трансформировался в толстую пачку евро.

Второй.

Через неделю — третий.

Атаман предложил: тащите уж сразу и остальное, всего-то два чемодана и осталось!

«Курьеры» привезли две толстые пачки, передали их, а взамен им вынесли *один* чемодан.

— Обменный курс поменялся, — лаконично пояснил атаманский зам. — Опаздывать не надо было!

— Мы приехали вовремя! — возразил старший из «курьеров».

— Нет. Опоздали на пять минут.

— Так ваша же охрана нас и задержала!

— Обычный досмотр, всегда его проводят. Раньше надо было выезжать.

Атаманский зам откровенно издевался — за спиною его командира стояло около пятисот бойцов. Опытных и хорошо вооруженных. Сила, по меркам Дикого поля, вполне серьезная.

— Так дела не делают! — покачал головой один из «курьеров». — Это беспредел!

— Учить меня будешь?! — нахмурился зам.

— Поздно уже...

«Курьеры» развернулись и молча вышли из дома. Обедать не остались и покинули поселок очень быстро.

— Терпилы! — подвел итог атаман.

А через два месяца, вынырнув из предрассветных сумерек, батарея «Градов» нанесла мощный удар по поселку. Били по площадям, никуда конкретно не целясь. Перезарядились — и ещё залп!

И опять.

Ещё пылили колесами уходящие реактивные установки, а вокруг развалин уже стягивалось кольцо оцепления. Вот перекрыт последний участок — и часть оцепления, перекинув автоматы в боевое положение, направилась в сторону горящих домиков.

Сухо хлопнули отдельные выстрелы, татакнул где-то в подвале автомат — зачистка велась максимально жестоко. Не оставив без внимания ни одной дыры, нападавшие тщательно зачистили все поселение, не делая исключения ни для кого. Где кого нашли — там и прихлопнули. Раненый,

здоровый — исключений не было никаких. А очумевшего от близкого разрыва атамана выволокли на площадь и посадили на кол. Около него остался стоять раскрытый чемодан с карбованцами. Их только сеткой накрыли, чтобы ветер по площади не растащил. Надо сказать, что к деньгам вообще никто приблизиться впоследствии не рискнул — так и похоронили, вместе с телом атамана, которого, кстати говоря, с кола не сняли. Так вместе с деньгами и зарыли, никто даже самой тоненькой пачечки не прибрал.

Ибо около чемодана имелась табличка с лаконичной надписью: «Чужое брать нельзя!» И Дикое поле вздрогнуло...

А через некоторое время, когда жизнь в поселке снова началась, «курьеры» установили памятник «жадному атаману». Посреди площади сидел гипсовый толстый дядька на колу, а у его ног лежал полный чемодан денег, тоже отлитый из гипса. И что характерно, ни у кого из местных не возникало желания задвинуть куда-нибудь подальше этот образец «современного искусства». Этот памятник стал неким символом беспредельщиков, и отдельные из них даже печатали его на своих визитках. А что, очень хорошее напоминание о том, до чего доводит людей чрезмерная жадность.

Беспредельщики — так теперь называли бывших «курьеров», нимало не стесняясь, пояснили: да, это дело их рук. Так будет *всегда*. И со всеми, кто попробует их обмануть.

Мы честны с вами — и вы тоже будете с нами честными. Абсолютно любой ценой, хоть треснете.

Они меняли деньги по самому выгодному курсу, переводили куда угодно любые суммы денег и давали займы под относительно справедливый процент. Любой человек мог взять какую угодно сумму. В пределах разумного, разумеется. Даже и без залога — верили на слово. Только тщательно проверяли все сведения о заёмщике.

Его предупреждали — вернуть должен тогда-то. Можешь опоздать — тогда каждый день просрочки это плюс пять процентов.

Без вариантов.

А через двадцать дней долг удваивался, и давался ещё день на возврат всей суммы.

Не вернул... что ж, хоронить тебя будут соседи. Больше попросту некому... Ибо должнику давали время и возможность сначала похоронить своих близких, а уж потом стреляли в затылок и самому. Таким образом, сразу и навсегда, были предотвращены любые попытки кого бы то ни было добыть денег для семьи или близких — пусть даже и ценой своей жизни. Альтруистами беспредельщики не были.

Можно было попробовать сбежать с деньгами сразу.

Некоторым удавалось — их потом искали долго... И потом возвращали домой, чтобы повторить всю процедуру наказания там, где неразумный принял свое опрометчивое решение.

Никакие траты на этом поприще заимодавцев не останавливали. Вообще никакие...

И Дикое поле молча признало за ними это право — требовать буквального соблюдения договоров.

В конце концов, всё просто: можешь никаких денег взаймы и не брать! Никто тебя за руку к этим гаврикам силком не тащил!

Сам пришел — сам и отвечай! За свои слова, между прочим! Никто за язык ведь не тянул?

И не впутывай в свои разборки посторонних!

Глупые соратники не нужны никому. Только портят имидж серьезных людей.

А глупые неудачники — тем более!

А вот меня эти беспредельщики устраивают. И не в последнюю очередь потому, что всегда четко исполняют свои обязательства. Именно это мне сейчас и нужно.

Дом ничем от своих соседей не отличался. Такой же, как и все вокруг, в меру потрепанный и наспех отремонтированный. Вот только крыша у него была покрыта не железом, а новомодным синтетическим покрытием. Дешевка,

долго не простоит. Пара-тройка зим, а если ещё и мороз ударит — так и того меньше. Не выдерживают импортные пластики здешних холодов и ветров. Железо — оно понадёжнее будет. Но с ним надо работать, силы и средства тратить, да и в доставке оно дороже обходится... Вот и переливается над домом различными цветами импортный пластик. Для непосвящённых — намек на крутость. Мол, знай наших! А для понимающих — повод для усмешки. Тоже мне, нашлись нувориши...

Но имелась и другая причина... и о ней знали немногие. По странному совпадению, я тоже относился к их числу.

На входе в дом развалился на стуле молодой парень. В обыкновенной одежде, не в форме. Но на его наглость это влияло очень незначительно. Выставив поперек прохода ногу, он и не почесался её убрать перед Тарасом. Тому пришлось остановиться и вопросительно посмотреть на охранника.

— Ну?!

— Вызывали?

— А что, иначе никак?

— Можно и иначе. Но — поодиночке.

Кладу руку на плечо своему сопровождающему.

— Не спеши... Я и сам схожу. А ты меня здесь обожди.

Снимаю с плеча автомат и передаю его Тарасу. Охранник вопросительно смотрит на пистолетную кобуру.

Щас, родной! Только штаны подтяну...

— Может, мне ещё и брюки снять? Для твоего успокоения...

— Проходите... — убирает ногу охранник.

Так, первый тест на лоха пройден. Пришпандоренный к косяку квадратик видеокамеры подтверждает мои предположения: за входом поглядывают, и такое вызывающее поведение парня санкционировано руководством.

За дверь оказывается обыкновенная комната. Бывшее жилое помещение сейчас перегородено деревянным барьером, за которым сидят два человека. Один, совсем

неприметный, слева от входа. Он почти не виден — из-за барьера выглядывает только макушка. Значит, монитор видеонаблюдения стоит около него — это охранник. А вот второй сидит чуть справа и виден хорошо. Кассир, надо полагать.

Такая расстановка персонажей весьма неплохо продумана: я могу хорошо видеть только одного, ко второму же неминуемо поворачиваюсь боком.

И он может стрелять, не опасаясь задеть своего товарища. От посетителей беспредельщиков отделяет барьер, и встать на одну линию с ними — невозможно. А пока будешь через него сигать — тебя встретят огнем уже два (только ли?) ствола.

— Хотите что-нибудь обменять? Купить? — вежливо интересуется второй забарьерный сиделец.

— Поменять. Триста гривен для начала.

Из барьера выдвигается лоток.

— Сюда кладите.

Получив требуемое, кассир наклоняется над столом, показывая мне лысеющую макушку. Купюры просвечивает, подделку ищет...

— Курс знаете?

— Просветите. Мало ли, как тут у вас все обстоит...

— У нас — всегда и везде одинаково! Один к двадцати шести.

— Маловато будет...

— Как хотите... — лоток выдвигается назад.

— Менялы берут по двадцать шесть. В чем тогда разница? Зачем вы здесь сидите?

— Ну, к ним и ступайте! — пожимает плечами кассир. — Вольному воля...

— Старшего позови.

Сбоку шевеление: охранник насторожился.

— Он не разговаривает со всеми встречными и поперечными, — поджимает губы мой оппонент.

— Потому и зови! Со мной — поговорит!

Мой собеседник впервые поднимает голову и смотрит мне в глаза. Ему интересно — что же тут за нахал такой отыскался?

— Вы... вы хорошо себе представляете, чего именно вам хочется?

Таких людей по пустякам не дергают. И это знают почти все. Да и не особо они себя тут афишируют — не так уж всё это безопасно...

То есть звать своего начальника ты не хочешь? Ладно... примем это как данность.

Не слыша моего ответа, кассир прикусывает губу.

— Двадцать восемь у нас начиная с тысячи гривен.

Вытаскиваю из лотка купюры, разглядываю их на свет. Складываю и убираю в нагрудный карман.

— Ну-ну... удачного вам бизнеса.

— С пяти тысяч — по тридцать.

— Удачи!

Поворачиваюсь к нему спиной.

— С кем он пришел? — это у второго мой собеседник интересуется.

— С тороповским хлопцем.

Продолжения разговора я не слышу, дверь уже захлопнулась за моей спиной.

А вот охранник в прихожей уже на ногах, смотрит внимательно.

— Вас просят вернуться.

— За каким хреном? Мне от вас ничего не нужно.

Интересно, как ему это сообщили? Рации у него нет, во всяком случае, я её не видел. И телефон рядом не стоит. Мобильников же здесь не имеется — оный вид связи гикнулся ещё в незапамятные времена.

— И всё же...

— С дороги уйди.

— Но...

— Парень, я ваши правила знаю. Ты *ничего* не можешь мне предъявить. И заставить — тоже не можешь. Уйди с дороги...

Охранник облизывает губы. За его спиной молча вышагает Тарас. Хлопец не сделал ни одного движения, не шевельнул и пальцем, но он за его спиной.

А у охранника — приказ, теперь я в этом уверен совершенно точно. Выпустить меня он не может.

И не потому, что это чья-то блажь, нет.

Я уйду к менялам — те дают меньше, но и геморроя такого с ними не бывает. Жулики — да, но не столь опасные.

А вот про обменный курс я им скажу, в этом никаких сомнений нет. Да, они наварят на этом немного денег — до тех пор, пока беспредельщики не дадут свои разъяснения. Как они это сделают — не суть. Что-нибудь придумают.

Но!

Я потеряю деньги — не так уж и много.

А беспредельщики потеряют репутацию выгодных банкиров.

«Если так поперли одного, причём не самого хилака, как завтра поступят с другими?»

Был бы я один... но я не один.

«Репутация создается долго, а теряется в один день».

Не помню, кто из великих это сказал, но мужик явно был в курсе дел.

Охранник все же решается — видать, страх перед своим начальством сильнее, чем перед каким-то непонятным мужиком. И сильнее, чем страх перед Владом — тот не настолько силен, чтобы бодаться с беспредельщиками.

Рука парня скользит за спину — там у него оружие. Не автомат — тот стоит у стены и его ещё достать как-то нужно.

Блямс!

Пистолет глухо стучается о стену. А о противоположную — его хозяин.

Поднимаю оружие с пола и показываю его объективу камеры — мне чужого не нужно! Разбираю пистолет и раскидываю части по комнате. Аналогичная операция проделывается и с автоматом, причем затвор я выбрасываю на улицу. Демонстрирую на камеру пустые руки.

Прощевайте, господа хорошие.

Выйдя на улицу, забираю у Тараса автомат. Его собственное оружие уже в руках, и он готов к стрельбе.

— Успокойся. Мы просто не договорились, а этот баран решил проявить неуместную инициативу. Зеленый ещё, дурачок...

— Куда мы теперь? — озирается тороповский хлопец.

— К менялам. Где тут ближайший квартирует?

— Да... тут рядом есть один...

— Потопали!

Закидываю автомат за плечо и неторопливо следую за своим провожатым. А тепло... солнце пригревает, и как-то даже на душе полегчало. Вот так вот смотришь по сторонам, как будто и не было всех этих суматошных лет, непонятной беготни с перестрелками, войны непонятно кого и непонятно за какие идеалы. Да и были ли они, эти идеалы? Или попросту за кресла и бабки боролись все окружающие? По большому счету, именно так и выходит: за власть и деньги. Ну, да и хрен теперь с ними со всеми, и свои заботы у меня есть, не до чужих переживаний.

Опа...

Вот насчёт забот — это я точно угадал...

Вывернувшись из-за домов, притормозил приземистый джип, перекрывая нам дорогу. Скрипнули тормоза сзади, и там тоже кто-то обосновался. Тарас кубарем ушел под стену ближайшего дома, на ходу сдергивая с плеча оружие. А ничего так... приходилось, видать, парню в переделках бывать. Да и то сказать, вырос-то он здесь, вся его молодость на фоне таких вот перестрелок да стычек прошла, нагляделся в своё время. Вот память-то и подсказывает наилучшую линию поведения.

Оно, может быть, и правильно было бы, да только не сейчас.

Хотели бы нас завалить, так попросту издали ударили бы в несколько стволов — и хорош. А вот такие покатуш-

ки — это уже понты, так больше на публику работают. Крутость свою невероятную демонстрируют и возможности.

— Встань!

— Чего?

— На ноги встань, тебе говорю!

Провожатый, растерянно оглядываясь по сторонам, встаёт. Никто не стреляет, на улице тихо, только ворчат на холостых оборотах движки у обеих машин. И что тут у нас?

Ну, «Хаммер» — это понятно. Машина для демонстрации крутости, на таких обычно местные атаманы катаются, это в Диком поле нечто вроде представительского автомобиля.

Стоит эта машинка спереди, узкую улочку почти совсем перегораживая. А на крыше у него, между прочим, пулеметик имеется. И торчит около него не улыбочивый такой паренёк. Правда, на нас ствол не наведён, смотрит куда-то в сторону.

А второй агрегат?

Российский «Тигр» — это уже более редкая машина. С комфортом там не шибко — это не «Хаммер». Но машина крепкая и надежная. Для понимающего человека, так сказать. Пулемет там, разумеется, тоже есть, только около него никого не видно.

И где же у нас основной дядя сидит?

По логике — там, где у пулемета стрелок торчит — прикрывает важную персону. И верно — прикрывает. Броня у обеих машин есть, так что и с этой стороны все вроде бы в норме. Только вот «Хаммер» у нас в варианте «передвижной кошелек» — позади у него закреплен металлический ящик — инкассаторский сейф. В цивилизованном мире это машина для транспортировки денег и ценностей. Мало кто знает, что в местных условиях там ничего особенного не перевозят, а попросту используют этот ящик как дополнительную бронезащиту при обстреле сзади. Оттого и ходят такие машины замыкающими. А народ несведущий наивно полагает, что там-то все ценное и есть! И сколько

уже дураков за такие неправильные мысли поплатились собственной башкой — я и сосчитать не берусь.

Поворачиваюсь назад и топаю к «Тигру». Когда до машины остается пара метров, приоткрывается задняя дверь — заходи!

Сделав знак Тарасу, чтобы он оставался на месте, ныряю в прохладное нутро машины: тут кондиционер работает, оттого и капают в дорожную пыль капельки конденсата. Стало быть, наготове машина стояла, работал движок. Вышел человек — все к поездке готово. Не станут включать кондер для рядовых охранников, рылом не вышли ребята.

В салоне сидят трое.

Один за рулем — водитель, с ним все понятно. Второй рядом с ним, в полуобороте смотрит на меня.

И третий — напротив, на заднем сиденье.

— Ну? — вопросительно смотрит на меня тот, что на заднем сиденье расположился. — И кто же это у нас тут такой борзый да резкий?

— Мироном меня зовут. Крюком кличут некоторые — отзываюсь.

— Где ж это ты, мил друг, таким манерам выучился? Ногами-руками машешь... охранников забижаешь...

— Что-то не припомню я, когда это *ваши* сотрудники так себя по-хамски вели...

— Есть что вспомнить?

— И рассказать.

— Ну?

— Я обычно дело с Колуном вёл...

Собеседник мой переводит взгляд на того из присутствующих, что рядом с водителем сидит. Тот пожимает плечами — это имя ему ничего не говорит.

— Допустим. И что с того?

— Он ко мне *по-дружески* относился...

Так.

Изменился в лице мой визави. Непростые слова я произнес.

Ни с кем не *дружат* беспредельщики. В своём кругу у них всё общение проходит, ни с кем прочим они хлеб-соль не делят и в свои застолья не приглашают. Бизнес — и ничего кроме.

Нефигово весьма таких друзей иметь — выгодно это. Да и в затылке многие почешут, прежде чем тебе предьяву выкатить. Не со всеми, знаете ли, даже и в Диком поле, бодаться можно — дольше проживёшь. Может быть...

— Так даже? — интересуется собеседник. — Ну, а от нас ты чего хочешь?

— Пока — денег поменять.

— А потом?

— Ну... если ещё будет это «потом»... там и посмотрим.

Был бы здесь Колун...

— Нет такого. Я тут работаю.

— А звать тебя как, мил человек?

— Борисом зови — не ошибёшься.

— Так ведь не один же ты тут — Борис?

— Такой — один.

Наклоняю голову набок и прищуриваюсь, оглядывая собеседника.

— Мне так и искать тебя, ежели что? У Колуна, между прочим, имя тоже имелось.

— И как звали его?

— Дмитрий он.

— Ладно, спросишь Глазастого.

А вот это уже ближе к истине: те из беспредельщиков, что у руля в каком-то месте стоят, свои прозвища имеют. Так их и искать надобно. Борисов да Петров с Дмитрами — как собак нерезаных. Поди, догадайся, кто конкретно тебе надобен?

Стало быть, нормальный разговор пошел.

— Спрошу. А как относительно бабок на обмен?

— Сколько?

— Пока — две тысячи.

— По двадцать девять.

— Для начала сойдёт.

Кладу на сиденье деньги, которые вытаскиваю из кармана.

Мимолетный взгляд, шуршание купюр — и рядом появляется толстая пачка карбованцев. Поднимаю её и, не пересчитывая, убираю.

Тут тоже нюанс есть.

Никто, в принципе, не мешает мне пересчитать деньги — наоборот, это будет воспринято правильно. На первый взгляд.

Но — есть ещё кое-что...

Кассиры беспредельщиков не мухлюют — кара за это одна, и мягкостью она не отличается. Об этом никто не распространяется, но те, кто имеет дело с ними давно, в курсе данного обстоятельства.

Так что, не пересчитывая денег, я лишний раз подтверждаю этим: не с лохом дело имеете, мужики.

Скажете — мелочь?

Может быть и так. Но такие вот мелочи — они иногда дорогого стоят. Жизни, например...

— Всё? — интересуется Борис.

— На сегодня — да.

— Там с нас небольшая компенсация причитается — за невежливого охранника, — продолжает мой собеседник. — Надеюсь, вопросов никаких более нет?

— Нет.

— И поэтому я посчитал по тридцать. Но — только сегодня и только один раз! Это понятно?

— Вполне.

— Всего наилучшего. Заглядывайте к нам.

— Всенепременно!

Вот так. Не можем побить — возьмём в союзники. Старая, как мир, истина. Пожертвовав относительно небольшой суммой, разом перетянуть на свою сторону потенциального неприятеля и возможную проблему. Задав тем самым в зародыше возможный скандал. Ну,

пусть не скандал, а скандалчик. Один хрен — не нужный никому.

Хлопает за моей спиной дверца автомобиля — и почти тотчас же они оба трогаются с места. Отхожу в сторону и провожаю удаляющиеся машины взглядом.

— Что теперь делать станем? — это Тарас. Стоит на месте и продолжает сжимать в руках автомат.

— Домой пойдём.

— А... меняла как же? Или... денег уже нет?

А! Так он решил, что меня на бабки выставили?!

— Не нужен более твой меняла...

Потух парень... прямо на глазах потух. Уж и не знаю, какие-такие планы он относительно нашего сотрудничества строил, но вот рухнули они одновременно — и со страшным грохотом. Ну-ну... не надо так уж расстраиваться-то!

— Рассчитались беспредельщики.

В глазах провожатого вижу искорку интереса. Слабенькую такую, почти незаметную.

— Нормально рассчитались, — хлопаю себя по карману. — Но не на улице же такими деньгами трясти?

Таковыми — это какими, скажите на милость?

Триста гривен — это, разумеется, неплохо, тут и за меньшую сумму свободно прирезать могут. Но не сразу же двух вооруженных людей? Тем не менее, парень ничего не спрашивает и привычно занимает место впереди меня. Терпелив — ценю!

Озадачив по пути в номер официанта на предмет легкого перекуса, поднимаемся наверх.

Плюхаюсь в кресло и указываю Тарасу на стул напротив.

— Тысяча работягам, — протягиваю ему несколько купюр.

Деньги тотчас же исчезают в его куртке.

— Твои сто.

Благодарный кивок.

— Ещё сотня — за хорошую наводку. Я беспредельщиков имею в виду.

Тарас смущенно потупился, есть ещё у него совесть!

— Две сотни — пану Владу. Чтобы он не слишком уж за тебя переживал.

— Пан сотник...

— Да?

— Ему бы лучше гривнами... так... так лучше будет... вы уж поверьте мне!

— Не вопрос, поменяю, у меня чуток осталось ещё. Не всё же я потратил-то! Десятки хватит?

— Даже много!

— Он — начальник! И тебе предстоит это всегда учиться.

— Да, пан Мирон! Разумеется!

— Он ведь мог и кого-то другого со мною направить, так?

— Мог, пан сотник!

— А направил — тебя! Цени!

— Как скажете, пан сотник!

Всё — этот парень теперь мой. Не по самые уши, разумеется, но...

Что там относительно рака на безрыбье гласят народные пословицы? Нет у меня тут своих людей. Ну, а раз так — будем использовать чужих. Пока чужих... В условиях Дикого поля всякая преданность кого бы то ни было своему атаману или командиру основана на силе последнего или его финансовой состоятельности. Больше, разумеется, на силе. Но и тут, знаете ли, нюансы бывают...

Утро выдалось совершенно замечательным. Завтрак оказался превыше всяких похвал, выпался я хорошо, так что и настроение не оставляло желать лучшего. Тарас с самого ранья ускакал нанимать рабочих и заниматься всевозможными делами по ремонту. Никаких особенных дел и забот у меня не имелось, так что я отправился

просто прогуляться по городу. Посмотреть, так сказать. Не уверен, что сие мероприятие доставило мне массу полезных и приятных сведений, но кое-что разглядеть удалось. В том числе и то, что не все достопримечательности города были связаны с домами и постройками. Некоторые из выявленных особенностей явно не относились к недвижимости. Люди, например... Не знаю, сколько здесь таковых выдающихся личностей имелось, но одну удалось определить совершенно точно. Это был я. Ибо ничем иным, кроме резко возросшего ко мне интереса, невозможно было оправдать то, что, куда бы ни направлял я свои стопы, там очень быстро появлялись люди, интересовавшиеся моими передвижениями. Их было немного, и они постоянно менялись. Всего удалось засечь четверых. Причем на мой неприятный взгляд (или притязательный — но это как посмотреть...) они принадлежали к разным группам. Как минимум — к двум. Ибо, прежде всего, они старались не попасть в поле зрения своих коллег. А что, город небольшой, все друг друга знают или хотя бы в лицо помнят. Но вот одновременно ныкаться от соседа и скрытно наблюдать за мной... это, братцы, высший пилотаж! На такое тут не все способны. Более того, я бы сказал, что не способен почти никто.

Эк, однако, меня на словесные выверты потянуло! Был в своё время в Киеве один такой деятель, так он тоже похожие перлы выдавал... мне до него — как до Пекина ползком. Да...

К обеду вернулся Тарас. Бригаду он нанял, аванс для начала работ им передал. К ремонту они приступят уже завтра, там ещё какие-то нюансы им утрясти нужно. Не страшно, у меня за спиной четверо с кнутами не стоят, спешить необходимости нет. Вместе спускаемся в ресторан, надо бы и пообедать, да и по рюмочке опрокинуть — тоже не помешает.

Официант предупредительно провёл нас к столику.

— Это ваш постоянный, пока вы здесь живёте. У нас так принято.

Ну, что ж, это даже неплохо. Старается народ имидж заведения поддерживать, ничего против не имею, молодцы.

Но стоило мне отодвинуть от себя пустую тарелку из-под супа, как около столика бесшумно материализовался некий незаметный товарищ.

— Вы позволите? — потянул он на себя стул.

— Я вообще-то ем...

— Я ненадолго, — опустил на сиденье неизвестный. — Вам Глазастый кланяться велел.

И он действительно наклоняет голову.

Так...

— И ему здравствовать.

— Он просил передать, что вчерашние условия теперь будут постоянными.

— Благодарствую. Передайте ему, что я весьма польщен его предложением.

Взмахом руки подзываю официанта и киваю ему на пустую рюмку и моего собеседника. Халдей всё понимает правильно, и перед моим гостем появляется запотевшая рюмочка с водкой. Наливают и мне. Кстати, на моего собеседника официант старается не смотреть. С чего бы это, а?

— Прошу! — делаю приглашающий жест.

Упрашивать не приходится, гость не ломается и рюмку опрокидывает лихо.

— Наилучшего вам!

— И вам не хворать!

Проводив уходящего собеседника взглядом, поворачиваюсь к Тарасу — парень с интересом наблюдал за нашим разговором.

— Вопрос есть?

— Ну... а чего он приходил?

— Знаешь его?

— Это... он из «беспредельщиков». В конторе у них крутится.

— И как?

— Серьезный парень.

Не сомневаюсь, ибо одной из групп моих соглядатаев руководил именно этот товарищ. Абы кому такое дело не поручат.

— И всё?

— Ну... он к должникам обычно приходит...

Понятно.

«Торпеда», так сказать. Исполнитель, причем не самого низкого ранга.

— Интересный, должно быть, человек...

Парень моего энтузиазма, похоже, не разделяет.

— Да ну его... с такими людьми дело иметь...

— Как сказать! Ты хоть понял, что он сейчас сообщил?

— Ну... к ним теперь заходить можно.

— И раньше, вообще-то, никто этому не мешал. Нет, мил друг, он только что перевёл нас (а встрепенулся паренёк!) в разряд важных клиентов. И курс нам будет — один к тридцати.

— Это за что же так-то? — искренне удивляется Тарас. — Что вы такого вчера сделали, пан сотник?!

— Да... поговорил правильно, всего-то и делов...

Да не в разговоре вообще-то дело... А в том, что я правильно понимаю наличие пластиковой крыши на их домике. Получил, стало быть, местный босс «беспредельщиков» подтверждение моих слов. Вот и подобрел. По указанию свыше, так сказать... И это — ещё один козырь в мою колоду.

Как там в песенке поётся: «И ещё один кирпич в стену»?

Много таких «кирпичиков» ещё понадобится...

— Тарас, а как тут с этим делом? — изображаю я в воздухе некий жест.

— Дык... вон, официанта спросить можно.

— Так и спроси!

Халдей оказался понятливым, кивнул головой и исчез. Так, за вечернее времяпровождение можно не переживать...

Дом на окраине города ничем не выделялся среди своих соседей. Жители его тоже старались к себе особенного внимания не привлекать. Так оно — по нынешним-то временам — куда спокойнее. На первом этаже располагалась небольшая мастерская, хозяин которой брался за ремонт практически всего. Сюда можно было притащить сломанный радиоприемник, прогоревший чайник или исковерканный велосипед — мастер добросовестно старался починить всё. Иногда это получалось, иногда — нет. В этих случаях он разводил руками — и принесенный агрегат отправлялся в изрядную кучу всевозможного хлама на задворках. Раз уж этот мастер отказал — других можно больше и не искать. И куча эта со временем приобрела весьма приличные размеры. Чего в ней только не было! Многого... Но и того, что имелось, вполне хватало, чтобы произвести впечатление. Эх, не собирают в нынешние времена всяческий утиль — мастер и на этом мог бы неплохо заработать.

Но — не сложилось.

Время от времени хозяин мастерской добросовестно пробовал эту кучу уменьшить. Что-то резалось на части, грузилось и вывозилось на небольшом грузовичке куда-то за город. Надо полагать, в ближайший овраг. Что-то рассортировывалось и предлагалось к перепродаже. И даже иногда продавалось. А исходя из размеров большинства «товара», покупатели его тоже не на руках уносили. Увозили — обычно на автотранспорте. Взгромоздить старый холодильник на велосипед, в принципе, наверное, можно.... Только вот ехать на нём, опосля такой операции, не совсем удобно.

Точнее — совсем не удобно.

Семейство мастера тоже особой общительностью не отличалось. На улице появлялась только жена: ходила на